

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Предисловие

Автобиографическая повесть, написанная Михаилом Александровичем в 2004 году, – это признание в любви к Родине, к городу детства, к родной Земле, к её природе и людям, к друзьям-товарищам, с которыми „делил и хлеб, и табак“. Это признание в любви к Жизни, какой бы она ни была: с её непредсказуемостью, с её суровостью и сложностью, в то же время к Жизни, полной надежд и свершений, к Жизни - тревожной и вдохновлённой. Читая эту повесть, становится ясным, как всё же „время бурных потрясений и сдвигов“ вторгалось в самые сокровенные уголки человеческой жизни, разрушая внутренний мир человека, посягая на хорошее Будущее, предначертанное ещё в далёком детстве. Ни лишения, ни резкие перемены, ни хромоногая политика, - не изменили доброго, трепетного отношения к своей стране. Стремление глубоко проникнуть в новую, навязанную 41-ым годом, жизнь – было с одной лишь целью: извлечь из неё, несмотря ни на что, Добро и Радость.

Удивительное сочетание национальных культур, дарованных родителями, позволило Михаилу Александровичу, будучи ещё ребёнком, выстроить свой маленький, не лишённый образности, мир. С пришвинской наблюдательностью и пониманием психологии „бессловесного мира“ описаны интересные эпизоды рыбалки и охоты. Воспоминания порою настолько подробны и ярки, что в них не чувствуется разрыва с далёким прошлым, оно продолжает оставаться для автора дорогим. Желание передать детям знание истории своего рода, поделиться пережитым, сокровенным – основной мотив написания повести. И в этом есть Благое...

Анна Беллер
12 ноября 2008 г.

Люблю Отчизну я, но странную любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю - за что, не знаю сам -
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям.

М.Ю. Лермонтов.

Начиная эту повесть, думаю, что нужно сказать о том, что в отличие от жителей Кавказа, скажем Дагестана, где помнят своих предков по именам до десятого колена и возможно далее, мы, жители центральной части России, не можем этим похвастаться и зачастую не знаем отчества своих дедушек и бабушек.

Обидно быть такими "иванами, не помнящими родства"... Мне повезло, мой отец был широко образованным гражданином - настоящим интеллигентом. Тем, что я знаю о происхождении своих предков Рековских с 1765 года, полностью обязан ему. О предках моей матери, то есть Ильешевичах - знаю только по её воспоминаниям. Желая как-то ознакомить своих потомков с нашим, хотя и недалёким, прошлым, подвинуло меня на написание этой автобиографической повести.

Рековские

**Александр Францевич Рековский.
Учащийся реального училища.
Саратов.
Фото 1910/12 г.**

**Мой папа, А. Ф. Рековский,
прапорщик русской армии.
Первая мировая война.
Фото 1914/17 г.**

Родился я под знаком Скорпиона, в милом моему сердцу городе Саратове, на улице Гоголя в доме № 24, принадлежавшего когда-то купцу Мурашкину. Самым большим помещением в доме купца был зал в три окна, он-то и стал квартирой моих родителей: Рековских Александра Францевича и Бронеславы Люциановны. В конце 1923 или начале 1924 перебрались они из соседнего дома № 22, обзавелись домашней обстановкой, очень скромной по нашим временам, и одеждой: лакированные туфли, поддёвка на лисьем меху, папаха. В то время папа работал бухгалтером, а мама - учителем начальных классов, преподавателем курсов стенографии по двум способам, как тогда говорили. В 1927 году на свет появилась дочь Маргарита, но прожила только 1 год и 8 месяцев, умерла от воспаления лёгких, о чём долго горевали папа и мама.

**Моя мама -
Бронеслава
Люциановна
Ильяшевич-
Рековская.
Саратов.
1941 г.**

**Семья Рековских: мой дедушка - Франц Иванович, моя бабушка - Маргарита Андреевна.
Рядом с дедушкой стоит мой папа - Александр, рядом с бабушкой стоит Альберт.
Сидят: в центре - Евгений, рядом с бабушкой справа - Иван.
Саратов. Фото 1909 г.**

Рековский Франц Иванович, мой дедушка, родился 1 мая 1867 года в деревне Каменка, Камышинского уезда, где и жили все мои предки с момента приезда в Саратовское воеводство 6 июля 1765 года. Отслужив в царской армии на Кавказе, вернулся мой дед с большими усами - был уже не молод. До революции работал он приказчиком в промтоварном магазине у купца Кирдяшева. Женился Франц Иванович на Маргарите Андреевне, урождённой Пауль. Родом она была из села Зельман (ныне с. Ровное). Выросла в трудолюбивой зажиточной семье, где кроме неё было ещё два холостых брата: Адам и Егор и четыре незамужних сестры. После женитьбы, жили дедушка и бабушка в разных местах Саратова. Так вот юношеские годы моего отца проходили в Смурском переулке. А в последние дореволюционные годы, дедушка, скопив нужную сумму, купил на улице Кирпичной два двухэтажных дома с флигелем. Позже всё это было отобрано, дедушку сослали в Астрахань. Там он еле выжил и впоследствии вернулся в Саратов. Папу, как сына торговца, отчислили со второго курса университета. Дети разъехались на учёбу, кто в Ленинград, кто в Киев. Двое умерли: дочь Анна и сын Альберт.

**Похороны моей прабабушки, Антонии Пауль.
Слева её дети: дочь Маргарита - моя бабушка, вторая дочь (имя ?),
сыновья: Егор Андреевич и Адам Андреевич, два других человека на снимке - не известны.
Село Ровное (Зельман), 1914 г.**

Женился Франц Иванович на Маргарите Андреевне, урождённой Пауль. Родом она была из села Ровное (в прошлом Зельман), росла в трудолюбивой зажиточной семье, где кроме Маргариты было ещё два холостых брата Адам и Егор и четыре незамужних сестры. Матерью этого семейства была Антония Пауль (1842-1916), моя прабабушка. Держали скот: верблюдов, лошадей, коров, свиней и птицу. Урожаи в Поволжье чередовались с засухами, но один раз в четыре года хороший, добрый урожай перекрывал все потери и люди справлялись. Всё изменилось к худшему с началом коллективизации - пришли, вывели мужиков и расстреляли, а бабы разбежались, имущество ушло... Одна младшая сестра бабушки - тётя Мария, уехала в город Баронск (впоследствии Марксштадт), позже в город Саратов на Мясницкую, второй дом от угла ул.Цыганской, рядом с Верхним базаром. Упомянув о тёте Марии, забегу наперёд: в сорок первом попадёт она на станцию Юрга, а затем переберётся на станцию Ояш, где и будет убита эвакуированной ленинградкой за кружева и прошвы, что тётя Мария мастерски умела делать, чем и жила. Похоронена она в братской могиле вповалку с калмыками, вывезенными на верную гибель в 1941 году. Как закончилась жизнь остальных сестёр бабушки, я не знаю. Одна семья из родственников дедушки или бабушки, точно не знаю, перед революцией выехали на жительство в Канаду, откуда позже приезжали в гости и рассказывали о необычном своём житие. Так они трижды нанимались работниками, трижды становились фермерами. Нам бы не приснилось и во сне такое: они по окончании полевых работ отпускали на волю лошадей, те дичали, а весной опять их ловили, вновь обучали и работали на них, обрабатывали землю. Так этот цикл и повторялся.

В России же началась предреволюционная смута, не миновавшая и Саратовской губернии. События в городе Саратове того непростого, сложного времени описал в своих книгах писатель К. Федин. Не забуду яркий рассказ моего дяди Феликса, который видел в окно, как черносотенцы жестоко избивали железнодорожника.

Язык в семье дедушки был немецкий, но дедушка, как и мой отец, говорил по-русски без малейшего акцента. Все мои предки по папиной линии считались немцами, хотя когда-то Йозеф

Рековский, 53-летний глава большого семейства, в 1765 году приехал в Россию из Познани, и, уже живя в Камышинском уезде в деревне Каменка, онемечились среди гущи немецких семей. Я же, в возрасте 5 или 6 лет, во время переписи населения СССР заявил: папа - немец, мама - полька, а я - русский!

Второй сын в дедушкиной семье - Феликс (Евгений), 1900 года рождения, окончив институт в городе Киеве, поступил работать на московский автозавод АМО, затем ЗИС, и, наконец ЗИЛ - инженером-конструктором. Всю свою трудовую жизнь отдал заводу, 40 лет на одном месте, вплоть до выхода на пенсию. Со своей женой Маргаритой Михайловной прожили в любви и согласии до последних дней своей жизни, вырастили двух дочерей: Инессу, 1930 года рождения, и Эльмиру, 1937 года рождения. Эльмира - сегодня пенсионерка, живёт в Москве. А у Инессы остался женатый сын Дмитрий.

**Рековский Иван Францевич и его жена, Валентина Ивановна.
Саратов. Фото начала 1940-х гг.**

Младший сын дедушки и бабушки - Иван. Его жена Валентина. Их дочь Людмила, 1927 года рождения. В 1941 году были выселены из Саратова в город Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской области. Уже нет в живых никого из них. У Людмилы остались две замужние дочери: Галина и Татьяна.

**Рековская Амалия Францевна в период работы
на целлюлозно-бумажном комбинате.
Родилась 26 января 1910 г. в Саратове,
умерла 10 апреля 1962 г. в Рыбинске Ярославской области.**

Самой младшей в семье дедушки и бабушки была дочь Амалия или просто Малюша. Она закончила университет в городе Ленинграде, а до этого школу стенографии. В период учёбы, в течении длительного времени, стенографировала доклады, выступления и лекции академика И.П.Павлова. В 1941 году попала Амалия на Север, на станцию Вандыш Сев. ж.д. После освобождения из под комендатуры, она переехала в Ярославскую область и там работала заместителем директора целлюлозно-бумажного комбината. Но здоровье уже было подорвано, вскоре Малюши не стало.

Ильяшевичи

Ильяшевич Юлиан
(по документам Люциан)
мой дедушка, отец моей
мамы.

Доротея Турович (бабушка Даша).
Вольск 1929 год.

Августа Ильяшевич. г. Вольск.
27 августа 1929 год.

Предки по материнской линии носили фамилию Ильяшевич и были поляками. Мой дедушка Юлиан принадлежал к обедневшему дворянскому роду Ильяшевичей. Ещё в раннем детстве он, вместе со своими братьями, лишился отца. Матери было не под силу прокормить большую семью, и по обычаю того времени, дети были определены на воспитание в богатые дворянские семьи. Так, мальчик Юлик попал в знатную семью польских магнатов Сеножацких. Фактически, Юлиан находился на службе, выполняя работу "мальчика на побегушках", обучаясь одновременно грамоте. Глава семьи напоминал ему: "Помни, Юлик, - ты дворянин." С наступлением совершеннолетия, Юлиану потребовались необходимые документы и он отправился искать мать. Она работала в ту пору у ксендза (польского попа) кастеляншей. При ней жил один из её сыновей по имени Люциан. Придя по имевшемуся адресу, Юлик не застал мать. Оказалось, что ксендз был переведён в другое место. Затем всё повторилось, следовали новые адреса. Таким образом, Юлиан прошёл пешком Украину, был в Киеве, затем пришёл в Варшаву и, наконец, нашёл мать. А дело было в том, что ксендз крепенько был привязан к спиртному. Его переводили с одного места на другое и всё его хозяйство переезжало вместе с ним. К моменту прихода Юлиана к матери, брата его уже не было в живых. Оказалось, что документы Юлика утеряны, и ему пришлось с этого момента взять документы умершего брата. Так Юлиан стал Люцианом. Забрав с собой мать, (теперь уже) Люциан вернулся к Сеножацким. Там он приобрёл профессию управляющего имением и, получив от хозяина рекомендательное письмо, поступил в этой же должности на службу в имение Капустино, что в Мстиславле Могилёвской губернии. Там же вскоре женился на Доротее Турович. Первым их ребёнком был сын Николай, затем дочь Августа, а 14 декабря (по новому стилю) 1896 года - родилась дочь Бронеслава, моя мама. После её рождения, семья меняет место жительства на Саратовскую губернию, в Балашовский уезд, в имение Дубровка, куда мой дедушка был принят управляющим. Уже на новом месте родились ещё три ребёнка: дочь Виктория, сын Александр и сын Иван. В семье ещё долгое время жила мать дедушки, имя которой ушло в вечность и уже не у кого узнать...

Дубровка... Небольшой хутор, барский двухэтажный дом, дом управляющего, две дворовые постройки для работников, огромный сарай и конюшня. Неподалёку от Дубровки находилось крупное имение князя Голицына. Княжеские владения строго охранялись, даже в хвойный лес, принадлежавший Голицыным, ходить было воспрещено. Ближайшая железнодорожная станция от Дубровки называлась Тамала. В Тамалу ездили дети учиться в гимназию и технические училища. Провожал и встречал школяров конюх и кучер Семён. По-польски дети знали от бабушки пословицы, поговорки и шуточные песенки. Например, нянча малыша и посадив его на колено верхом, как на лошадку, напевала: "Еде - еде пан, пан. На конику сам, сам." Одновременно с этим легко потряхивая.

"А за ним и хлоп, хлоп. На конику шлёп, шлёп." Основательнее потряхивая. "А жид ла-та-та, ла-та-та" Тут она очень сильно потряхивала, держа малыша за руки. И когда дети засвистят в доме, говорила пословицы вроде этой: "Не свищи в доме - поцалуй лепи в дупу кому." Окончив гимназию, неожиданно умирает от аппендицита Виктория. Молодая, красивая, обладательница прекрасного голоса, и такая нелепая гибель. Николай закончил высшее техническое училище перед Первой мировой и в 1914 году ушёл вольноопределяющимся на фронт, закончив перед этим военное училище. Приехал на побывку с Георгиевским крестом. Есть фотография: Николай в шинели, папахе, с наградой. Дочери закончили гимназию. Старшая, Августа, вскоре вышла замуж за Григория Савельева, Григорий тоже, как и его молодая жена, учительствовал. В их учительской семье родились три дочери: старшая - Нина, закончила Саратовский медицинский институт в 1941 году. Её уже нет на свете. Евгения - закончила ветеринарный институт в Саратове. Пенсионерка. Юлия - закончила Саратовский педагогический институт, тоже на пенсии. Судьба Августы закончилась трагически: ещё в годы войны она умерла от голода, похоронена в Вольске, Саратовской области. Иван, поступив в школу, учился в классе сестры Бронеславы, и лучшего, более прилежного ученика, было не сыскать. После революции семья переезжает в ближайшую деревню Поньрку и получает там жилье и земельный надел. Приобретены лошадь и скотина. Работников, умевших трудиться в сельском хозяйстве, хватало: мать, отец, два сына и дочь. И дело пошло бы, но уже шла гражданская война, и бесконечная смена власти, постоянно выбивала из колеи. Пришли белые, забрали понравившегося им карего конька с богатой гривой, взамен оставили загнанную, истощённую кобылу серой масти. Пришлось предварительно поставить её на ноги, прежде чем запрягать. Да, что кони... Людей не щадили: вывели за деревню работников сельского совета и казнили - шашками порубали. Потом пришли красные и, переловив пособников белой армии, тоже совершили возмездие. Словом, всё как в известном кинофильме "Свадьба в Малиновке".

**Ильяшевич Николай
Люцианович, мой дядя.
Западный фронт. Первая
мировая война.**

**Ильяшевич Николай Люцианович (комбриг) в гостях у Савельевых в г. Вольске 13 июня 1935 г.
В первом ряду тётя Августа и её дочери: Юля, Женья, Нина.**

Григорий Миронович Савельев, глава семейства, дети: Нина, Юлия, Евгения, бабушка Доротея, её племянница Виктория Станиславовна (стоит), тётя Августа. Город Вольск, Саратовской области. 27 августа 1929 г.

**Западный фронт. 1914 год.
Мой дядя - Николай Люцианович Ильяшевич, стоит справа (с папиросой в руке).**

Случилось непоправимое - отец прилёг днём отдохнуть, повернулся лицом к стене и больше не проснулся, - остановилось сердце. Остались без отцовской поддержки и руководства, всё же продолжали заниматься хозяйством. В дальнейшем, не только деревня Поньрка, но и города Аркадак, Балашов, Тамбов, возмущённые непомерными поборами, изъятием хлеба, бесчинством, - подняли крестьянское восстание, во главе которого стал атаман Антонов. Братья Иван и Александр, закончив школу, поступили на учёбу в Саратовское артиллерийское училище, не закончив, перешли в пехотное, и по окончании его стали командирами Красной Армии. Так Александр попал служить в пригород Ленинграда (Лигово, Сосновая поляна, Красное село). Женился на ленинградке Евгении. Их дети: Ратмир, Юрий и Ида. Александр в звании капитана участвовал в Финской войне, а затем в звании подполковника в Отечественной. Был командирован в польскую армию, сформированную в России, войну закончил в Познани, где и продолжал служить в должности начальника главного артиллерийского полигона. Но вот открылись старые раны, лёг в госпиталь в Варшаве. Вечером обсуждали в палате только что просмотренный фильм, а утром оказался мёртв. Случилось это в 1947 году. Похоронен Александр на офицерском кладбище в Варшаве. Его детей: Иды и Ратмира сегодня нет в живых. Ида похоронена в Кривом Роге, Ратмир - в Старом Петергофе.

**Ильяшевич Александр
Люцианович в период службы
в Польской армии.
Подполковник. Начальник
главного артиллерийского
полигона Польши. Познань.
1947 г.**

Иван, после окончания пехотного училища, затем ещё и ветеринарной школы, служил в Саратове, позже и в Москве. В 1937 году был командирован на службу на Дальний Восток в город Иман, где и пробыл с женой Маргаритой и сыном Евгением вплоть до начала войны. В 1941 был переброшен на западный фронт в

**Ильяшевич
Иван
Люцианович,
его жена -
Маргарита
Константиновна
и сын Евгений.
Перед отъездом
на дальний
Восток.
Москва.
1937 год.**

польскую армию. Семья, вернувшись, попала в эвакуацию, позже переехала в Москву в дом, который принадлежал матери Маргариты. Конец войны застал Ивана в Польше, в городе Грубешов (по-польски звучит Хрубешев). Получив приказ, срочно сдать дела для перехода в Советскую Армию, Иван освободился с работы поздно. По дороге был обстрелян и убит, истратив всю обойму. Случилось это 12 мая 1945 года. Похоронили Ивана на центральной площади города. Его товарищ привез семье фотографии траурного шествия. Сегодня не осталось в живых ни жены Маргариты, ни сына Евгения, нет в живых и внука Валерия (погиб от рук польских националистов).

Ещё трагичнее сложилась судьба старшего брата моей мамы - Николая. Будучи настоящим боевым офицером, прошедшим первую германскую войну, он хорошо продвигался по службе. 1937 год застал Николая в звании комбрига и в должности инспектора инженерных войск Р.К.К.А. Жил он с женой Надеждой в доме на Софийской набережной, небольшая квартирка с балконом. Напротив, за Москва-рекой - Кремль. Из окон квартиры можно было разглядеть толщину его стен, видны были и люди, деловито снующие по кремлёвской территории, можно было увидеть команды подтянутых волейболистов, играющих по ту сторону.

**Ильяшевич
Николай Люцианович.
Комбриг, генерал-лейтенант. Должность - инспектор инженерных войск Р.К.К.А.
Погиб в 1938 г. (репрессирован).**

1938 год. Николаю было приказано сдать дела. Вскоре последовал арест. Жене было позволено передавать передачи в виде 25 рублей, затем и в этом было отказано, под предлогом, что её мужа перевезли в другое место. Друзья семьи подсказали Надежде немедленно выехать из Москвы, т.к. было уже известно, что за мужьями следовали и их жены. Надя уехала к сестре в Саратов и там, как мышка в норке сидела, не высываясь до 1954 или 1956 года. Разыскивая брата, моя мама случайно узнала адрес в Москве, по которому сделала запрос. Пришёл ответ, в котором значилось, что Николай был арестован по делу Тухачевского, расстрелян. В этом же письме находилась и справка о реабилитации, означающая невиновность осуждённого. Все эти документы были отданы Надежде, и ей позже было назначено пособие. Детей у них не было. Печальные судьбы...

В день Победы, в скорбную минуту молчания, вспоминаешь погибших не только в Великую Отечественную войну, но и погибших ранее в политических склоках. У меня невольно возникает сравнение: два генерала - оба генералы инженерных войск. Один попал в плен к врагам и те, издеваясь заморозили его, - это генерал Карбышев. Второй был огульно своими же соотечественниками бездоказательно обвинён, арестован и расстрелян. В мирное время погиб генерал Ильяшевич. Кому было тяжелее принимать смерть? Наверное второму... Умер в безвестности: нет ни памятника, ни посмертной награды. Вся страна превратилась в "иванов, не помнящих родства". Ещё один яркий пример: народный артист СССР Юрий Гуляев умер и забыт. Его имя никогда не упоминается, его песни не звучат, а ведь какой певец был... Помню, как исполнял он своим феноменальным баритоном "Созвездие Гагарина" на музыку А. Пахмутовой. А "Русское поле" Яна Френкеля на слова И. Гоф, - это непередаваемо! И забыт! Даже Тарапунько просил присылать артистов: Гуляева, Магомаева, Гнатюка, Кондратюка. Где они теперь? Ну двое стали иностранцами, а остальные?

Детство

Как уже упоминалось выше, у моих родителей за два года до моего появления на свет, была дочь. Она умерла в возрасте одного года и восьми месяцев. Родители очень переживали потерю дочери. После моего рождения, было принято решение перестраховаться. По этой причине мама оставила работу и занималась моим воспитанием. Она много со мной читала, рассказывала интересные истории, прививала любовь к русской литературе. В возрасте семи лет меня определили на учёбу в Саратовскую музыкальную школу по классу скрипки. После проверки слуха и прочих способностей, получив положительный результат, была куплена ? скрипка с футляром и нотами. Уроки музыки мне давал Борис Андреевич Богатырёв - первая скрипка симфонического оркестра Саратовского оперного театра, преподаватель консерватории и друг семьи, этакий насмешник толстопузый. Он до революции окончил Пражскую консерваторию, а уже после войны, живя в Москве - московскую консерваторию. Кстати замечу, одновременно с Вячеславом Михайловичем Молотовым, бывшим главой Советского правительства. Жена моего учителя музыки - Евдокия Семёновна (для меня просто тётя Дуся), после смерти Бориса Андреевича стала Плетнёвой, вышла замуж. Но когда я её навещал в Москве на Кутузовском, она уже жила одна. Выдающиеся ученики Богатырёва - Дмитрий Стрижов, работал до войны дирижёром оркестра в Саратовском ТЮЗе, Анатолий Гаршенин, после ранения на войне работал дирижёром в Ростове.

Восьми лет без двух месяцев меня определили в первый класс семнадцатой школы, в класс всеми нами любимой учительницы Веры Николаевны Богатырёвой, однофамилицы моего учителя музыки. Жила Вера Николаевна на Малой Казачьей с дочерью Наташей и братом инженером-строителем железнодорожных мостов. Спустя много лет, в шестидесятые годы я навещал их - в разговоре выяснилось, что железнодорожный мост через реку Имень в городе Кунгуре - его конструкции, так сказать его детище.

**Коллектив учителей 17-ой средней школы города Саратова.
В третьем ряду сверху, третья слева, моя мама – Рековская Бронислава Люциановна.
Май 1941 года.**

За год до моего поступления в школу, мама устроилась туда на работу. Школа № 17, что на Большой Горной, незадолго до моего зачисления вступила в строй саратовских школ. Станным было то, что здание своим фасадом смотрело на Глебичев овраг, а его непарадная часть - на Большую Горную. Моя мама получила третий класс, дети были в большинстве своём перероски. Много сил и энергии потратила она, чтобы научить детей читать, писать, считать. Я, на всём протяжении учёбы, ощущал на себе шефство маминых учеников. Саратовцы хорошо знают, что такое Глебичев овраг. Место, прямо скажем неспокойное. Пересекая его два-три раза в день, у меня не случилось за все годы ни одной конфликтной ситуации.

Я помню крепкого парня Найматуллина, ставшего чемпионом Саратова среди юношей по конькам. Помню и других маминых учеников. Они обожали свою строгую учительницу, она ведь была ещё и шахматисткой хорошей. Занимала личные призовые места в Ленинграде и Воронеже по ДСО "Учитель". Так за третье место она получила приз - фотоаппарат "Турист" с принадлежностями. Шахматы у нас в квартире всегда стояли в боевом порядке на столе. Заядлыми шахматистами были и мама, и папа, и папин давний школьный друг дядя Коля Курицын. Семья папиного друга жила неподалёку от нас, на углу Симбирской и Гоголя. Вот обычно в воскресенье, а точнее в выходной, т.к. у нас в стране были приняты пятидневки (на память приходят детские стишки: "Мамочка - ударница, папочка - герой, / Четыре дня работаем, на пятый - выходной"), дядя Коля за ручку с Борей тихонько приходил и шла блиц-игра на вылет. Спустя много-много лет случится с Борей случай: вернётся из командировки, попытается попасть в свою квартиру через соседний балкон, сорвётся с седьмого этажа, к счастью, останется в живых. Спустя какое-то время, побывал Боря у меня в Красном Яре. Через два-три года решил и я навестить друга в Саратове: первый раз - неудачно, никого не оказалось дома. Поехал через недельку снова. Открыла дочь Таня и на мой вопрос, где папа, ответила, что вот уже год, как папу похоронили. Вот такая печальная история...

Но всё это было позже, значительно позже. Те довоенные годы вспоминаются, как самая памятная, яркая часть жизни. По улице Кооперативной, затем по улице Горького, ходят трамваи. Мы с другом Юркой укладываем на рельсы пистоны и, неизвестно откуда добытые, капсулы. Отбежав на

приличное расстояние, наслаждаемся канонадой, хотя это очень громко сказано. На улице Гоголя - булыжная мостовая, по краям уже пострадавшая, тротуары, уложенные наверно ещё до первой мировой... А в кинотеатрах "Ударнике" и "Центральном" идут кинофильмы: "На границе", "Айгуль", "Джюльбарс", "Чапаев", "Щорс", "Пархоменко", "Большой вальс". Мы с Юркой по три-четыре раза бегали на одну и ту же картину.

Снимок, сделанный из окна нашего дома.
Этот дом очень похож на наш. В общем - родина моя.
Саратов.

В середине квартала на Гоголевской, между улицей Горького и Мясницкой, на солнечной стороне стоит до сей поры наш дом. Над подворотней - два окна готического стиля, видимо бывшая купеческая молельня, а может быть спальня. Это Юркина квартира. Его отец, дядя Серёжа Бекренёв, работал, кажется, директором колхоза, позже, уже в военные годы, он был директором подсобного хозяйства мединститута в селе Подстепном. Тётя Тоня, мать Юрия, была врачом-терапевтом. Антонина Трофимовна Богословская, она являлась сестрой профессора Ивана Трофимовича Богословского. Интересен тот факт, что другом семьи Богословских был известный врач Вильгельм, спасший от смерти мою маму в больнице на станции Ояш, где он, опытейший врач, волею Президиума Верховного Совета, возглавляемого М.И. Калининым, был низвержен в конюхи. И, как только что-то серьёзное, - бежали за конюхом...

Возвращаясь к нашему дому. В центральной части постройки - три прямоугольных окна - наши окна, а четвёртое окно над парадным входом принадлежало квартире Александра Ивановича Бородецкого и его супруги Музы Галактионовны. На их двери, обитой чёрной кожей, - табличка "Адвокат А.И. Бородецкий". На первом этаже, под

нашей квартирой, жила Ольга Владимировна Полежаева со своими сыновьями Лёликом и Володей. Она снимала квартиру ещё у купца Мурашкина, была первопоселенкой в нашем особнячке и являлась управдомом. Периодически подселяла она в свою квартиру разных людей. Помню жили кавказцы, пели и танцевали под бубен. Был и такой жилец Иногдаев, предлагающий проверить свои нервы на электрической машинке. Последними квартирантами перед войной - была семья Шефер: Генрих - чертёжник, уже в годах, его жена Евгения, значительно моложе своего мужа, их сын Курт. Прибыли они из Маркштадта. Курт говорил исключительно только на немецком языке. Его мама, тётя Женя, как-то раз нашла меня во дворе и попросила научить Курта говорить по-русски. В общем я в этом преуспел и вскоре Курт, не затрудняясь, выдавал не только благоприятные для слуха тирады. Мне от мамы за это попадало. С сентября 1941 года я уже не живу в Саратове, а жаргонное саратовское "атхли" - помню. В последний раз мы с Куртиком виделись на железнодорожной станции Ояш - его семья уезжала в город Томск. Отец нашёл там работу и они уехали. От Куртика было только одно письмо, в котором он писал, что они с мамой ходили в театр на "Мишеньку". Больше ничего не известно. Позже, уже с Урала, я пытался его отыскать, но безуспешно.

Из тамбура нашего дома - левая дверь вела на второй этаж. Лестница с прекрасно изготовленными перилами и ступенями, находилась под квартирой Бородецких. Поднявшись на второй этаж, попадаешь в пустую проходную комнату и далее мимо квартиры Сергиевых налево по лестнице во двор на широкое, высокое крыльцо. Позже, во время газификации, проходную комнату превратили в общественную кухню. Помню ещё кирпичную лестницу, уходящую узкими, гадкими ступенями в подвал. Во дворе дощатые сараи, деревья-клёны - мои ровесники, высокая лестница на чердак дома, - какой простор! Пробежишь бегом вниз по лестнице, - сердится Бородецкий; пробежишь по коридору первого этажа, - Ольга Владимировна выбегает. Вот так мы и играли в глубине двора и на улице. В подворотке в потолке были вмонтированы кольца для качелей, на которых качаться - строгий запрет управдома. Но вот у нас появился новый жилец дядя Митя - командир Красной Армии с двумя кубиками. Он сломал деревянный тамбурок, пристроенный к стене дома и занял сарай, принадлежавший ранее Юркиному дедушке, пробил в нём окно в соседний двор и сделал себе квартиру. А потом он, преодолев запрет управдома, сделал и качели. Сколько было радости.

А через год в эту квартирку вселились новые жильцы по фамилии Коляевы, у их сына была уличная кличка Кандид. Иногда случалось он, как бы нехотя, предсказывал уличные события. Так, например: "Сегодня будет война". И что творилось! На нашей улице встречались две группы "вооружённых" подростков. Одна группа стреляла со стороны улицы Кооперативной, другая - с улицы Мясницкой. Оружие было разным: от пистолетов до пушек из водопроводных труб. Во время

очередной канонады я было сунулся к окну смотреть на яркие вспышки в темноте улицы, как тут же был отброшен матерью от окна.

В квартире напротив жила семья Марининых - Фёдора Самсоновича (дяди Феди) и Ольги Осиповны (тёти Лёли), сестры дяди коли Курицына. В их семье были дети: Соня и Мила, жила ещё и родственница дяди Феди - Васса Васильевна Ваулина (для всех тётя Васюша, а для девочек - бабуля). Наши семьи вместе выезжали на отдых на родину дяди Феди - хутор Барановский, Сердобского района, Пензенской области. Мы с Соней ещё были дошкольниками. Много было совместных походов на рыбалку на Зелёный остров. Дядя Федя с юных лет был связан с рыбалкой и умел мастерски вязать различные снасти. Действительную службу в царской армии он отслужил в Петербурге в лейб-гвардии Семёновского полка, и даже стоял на часах в покоях царицы. Далее революция и дядя Федя оказался в Чапаевской дивизии. Был комиссаром в подразделении, которому пришлось отбивать знаменитую психологическую атаку Каппелевского офицерского полка. Был такой случай: в Средней Азии неподалёку от расположения их воинской части, в арыках, в быстроводных "речушках", было замечено движение сазана. Дядя Федя быстро изготовил большой сачок и уже на следующий день в меню красноармейцев появилась рыба.

С Соней, дочерью дяди Феди, мы встретились в 1962 году. Соня и её муж Георгий, оба работали преподавателями в политехническом институте. Юры Бекренёва в это время в Саратове не было, - учительствовал где-то в селе. Но было это спустя 21 год, а в детстве играли мы с Юрой в войну: у нас были детские браунинги в натуральный размер. Стреляли лентами пистон, вставляющихся в открывавшуюся рукоятку. Можно было стрелять, пока не кончится лента. Долго мы присматривали в военторге, который в те годы находился напротив гостиницы "Московская", настоящую кобуру для браунингов, и, как только скопили нужную сумму, - беспрепятственно приобрели. Какой был восторг! Настоящие и точно по размеру наших пистолетов! В то время гостиница "Московская" была госпиталем, и мы с Юркой частенько выполняли просьбы раненных красноармейцев купить что-нибудь в гастрономе. Из окон своей палаты спускали они на нитке записки и деньги. С какой же гордостью и ответственностью мы принимали эти заказы. Это были годы войны с белофиннами, хорошо помню, что раненные были с озера Хасан.

Ещё мы с Юркой регулярно посещали кружок юннатов во дворце Пионеров. У меня и сейчас где-то лежит устаревший, специальный пропуск. Но основной моей обязанностью, порой очень трудной, была учёба игры на скрипке. Нужно было ежедневно упражняться и разучивать новые произведения, регулярно ходить к преподавателю, сдавать зачёты. Пять лет упорных занятий принесли свои результаты: я исполнял красивые этюды, знал "Марш Турецкого", мог подобрать знакомую мелодию. Но в сентябре 1941 года учёба была прервана, скрипка оставлена в Саратове. А через пять лет, т.е. в 1946 году, взяв скрипку, я понял, что всё потеряно, потеряна возможность стать музыкантом. В школьные годы, в период летних каникул, меня ежегодно отправляли в пионерские лагеря: на Пятой Дачной, на Девятой, на Одиннадцатой. Больше других мне понравился санаторный пионерский лагерь. Это были последние дни моего безмятежного детства, за которыми наступило 22 июня. О начале войны мне стало известно утром, когда вдруг ко мне в лагерь приехали родители и рассказали о случившемся. Включили радио и получили подтверждение этому печальному известию. Меня в этот же день увезли из лагеря домой, но не надолго. Папа был определён на службу в райвоенкомате, а маму, с группой старшеклассников, послали на работу в село Рыбушки, что под Саратовым. Работали на прополке и уборке зелёного гороха. Иногда в компании ребят ходил в колхозную конюшню: нам давали лошадей и мы спускались к реке. С удовольствием купали их, да и сами от души барахтались в воде. Помню, там был один мальчик, у которого на руках было по шесть пальцев.

Так закончилось лето. Первого сентября начались занятия. Новые учителя, новые предметы, новые взаимоотношения. Однажды, в один из вечеров, мама сказала папе, что из Саратова выселяют немцев. Папа тогда ответил, что нас это не касается. Должен заметить, что к этому у нас были все основания. Так, в первую Германскую войну немцев не брали на фронт, а папа, предъявив выписку из церковной книги о происхождении Рековских, был принят в школу прапорщиков и, по окончании, отправлен на передовую. Воевал, был ранен и награждён. Мама забеспокоилась, попросила папу сходить куда нужно и выяснить, что нас ждёт. Кончилось это тем, что папа принёс повестку о выселении.

По вагонам!

Тут же вечером папа привёз бабушку от её сестры и утром за нами пришла машина. Погрузив наши нехитрые манатки (два чемодана), отвезли нас на товарную станцию. Там мы загрузились в двухосные товарные вагоны, в которых были сооружены нижние и верхние нары. Я оказался у окна на втором этаже, можно было хоть что-то увидеть по пути (а главное, не дожидаясь редких остановок,

по лёгкому опорожняться в форточку). Остановки делали преимущественно в степи, во время которых творился настоящий кошмар: мужчины, женщины, дети, старики, не находя никаких укрытий, лезли под вагоны, прячась под колёсами, осуществляли свои потребности. Людей вынудили стать животными. Кажется, тяжелее надругательства - невозможно придумать. Я, одиннадцатилетний мальчишка, метался, ища угол, где бы спрятаться, а каково было бабушке, родителям и всем находящимся в эшелоне... Команда "По вагонам!" и далее - до следующей остановки в степи. Везли нас через Казахстан: Уральск - Алма-Аты - Арысь - Новосибирск - Ояш. Наш вагон разгрузили на станции Ояш 25 сентября, а 26 - я уже пошёл учиться в пятый класс Ояшинской железно-дорожной школы. Вывезли нас примерно 3-4 сентября, получается, что в дороге мы находились 21 день. 21 день сплошного кошмара.

Станция Ояш

Сразу же в день прибытия, папа поступил на работу в Ояшинский райлесхоз старшим бухгалтером. Помню, как вся семья направилась за телегой, везущей наши нехитрые пожитки, - двигались в сторону лесхоза. На полпути нас остановила девочка, как выяснилось Зина Лемжина. Она стала нас убеждать, что её мама хочет взять квартирантов. Простояв какое-то время около их дома, мы дождались прихода мамы, всё закончилось благополучно. Позже выяснилось, что мама и не помышляла о квартирантах, - Зина всё сочинила. На второй день определились и мы с мамой: она поступила в школу учительницей, а я - учеником. В школе я встретился со своим одноклассником Юрой Штуккертом, познакомился с саратовцем Соколовским Аликом (Альбертом Фердинандовичем), прекрасным декламатором и хорошим парнишкой. С ним нас свела судьба на пять лет, самых тяжёлых, голодных, мучительных лет. Его, Алика, в школу привёл за руку его папа, чинный, важный, в чёрной каракулевой шапке с козырьком. Алик был точной копией своего отца, от облика - до походки. Их приход в класс особенно врезался в мою память. Шапку отец оставил Алику, а сам вскоре был мобилизован в трудармию и, через короткий промежуток времени - погиб. Семья осталась на попечении матери, Соколовской Марии Александровны. Кроме Алика, были дети: Неля (Нинель) и Светлана. Позже рассказывал мой друг, как ходил со старухами немками-саратовками по деревням и выменивал одежду на продукты. Нам ведь не предоставлялось права на получение хлебных и продуктовых карточек. Я лично увидел на столе настоящий хлеб в июне 1946 года. А пока ещё шёл 1941 год, я вёл переписку с Юрой Бекренёвым, во время которой я узнавал, что происходило в доме в наше отсутствие. Семья Бекренёвых перешла в нашу квартиру, а в их квартиру перешла семья Невских. Дядя Ваня, отец семейства, был художником. В их доме на стенах висели картины, одна из которых наводила страх: леопард напал на буйвола. Сам дядя Ваня был постоянно "под градусом" и довольно часто шумел. Его жена, тётя Груша, работала продавцом в магазине. У них были две девочки: Алевтина и Светлана. Вскоре дядя Ваня был призван в действующую армию и погиб на фронте. Из другого письма узнал, что повесился дядя Митя Сергиевский, что над Саратовом сбит немецкий самолёт и поставлен для обозрения на площади Революции. Получили письмо из военных лагерей от Гены Шатова, моего троюродного брата по матери: он лет пять лечился в саратовской психиатрии, но был призван в армию. Там он отказался копать окопы. Позже сообщила его мать, тётя Розалия, что Гену расстреляли. Очень умный был паренёк, начитанный, на этой почве, видимо, и получился срыв. А в посёлке Ояше у Лемжиных радость - вернулся из заключения отец Кати и Зины - Семён Михайлович. Человек с приятным, улыбчивым, добрым лицом, мастер на все руки, в общем настоящий сибиряк. За небольшой промежуток времени он сшил новые сапожки для Кати и для тётки Дуси, перечинил всем валенки (пимы по-сибирски). Научил меня делать дратву, для починки и шитья обуви, что в дальнейшем мне очень пригодилось. Рассказал мне, как он, в детские годы, на паре отцовских коней, в добрых санях вёз от Ояша до станции Юрга сибирского правителя адмирала Колчака и его брата. Оба были на одно лицо, т.е. сильно похожи друг на друга, только один был в форме, а другой - в штатском. Обещание отпустить мальчишку и лошадей вернуть - выполнили, да только вначале потешились над парнем: напоили допьяна. Когда Юрка поднялся утром, адмирала уже не было - уехал на восток, белая армия отступила. Помогли пареньку собраться и проводили домой честь по чести.

Ояш. Зимой 1941 года забрали в армию конюха райлесхоза Синицына, он ухаживал за выездными конями Серком и Гнедком. Жил он в глинобитной полуземлянке, состоящей из комнаты и кухни. По середине была печь, тоже глинобитная и пол - глиняный. Около хаты имелся огород - это всё принадлежало райлесхозу. Нам разрешили занять всё это и мы перешли на новое место жительства, на самый край посёлка Ояш. За нами ещё было два дома. В одном из этих домов жил мальчик Коновалов, он умел из лозы плести корзины. Вскоре и я освоил это ремесло. Весной, на завезённой Синицыным куче перегноя, мама изготовила огуречные гряды. В огороде было всё засеяно семенами, присланными тётей Грушей, нашей соседкой по Саратову. Своей посылкой она оказала нам неоценимую помощь: какой был урожай осенью! Турнепс, о котором мы раньше и не слышали,

потрясал всех своими гигантскими размерами. Он был посеян по картошке, выступая над землёй желтовато-белыми плодами. Огурцов была тьма, не успевали обирать. Брюква, картошка, просо. Просо было превосходное, но не было хлеба. С тоской вспоминали довоенные годы: самый дорогой (по 4 рубля 10 копеек) горчичный хлеб, саратовские булки с продольным гребешком, пончики с повидлом и чибрики. Бабушка особенно тяжело переживала выселение, она и без этого мучилась ревматизмом и другими болезнями, а тут ещё разлука с близкими. Только один её сын, мой папа, был рядом, а остальных разметало по Северу и Сибири, да незажившая свежая рана - потеря мужа в 1937 году. Мы потеряли бабушку 31 июля 1942 года, схоронили её на кладбище посёлка Ояш. Одновременно с этим несчастьем пришли ещё три: появился на свет Указ Президиума Верховного Совета за подписью Калинина "О снятии лиц немецкой национальности с ответственных должностей". Отца и мать отстранили от работы и вручили повестки в трудовую - снова переселение. Отправили нас за 45-47 километров от Ояша в деревню Ирба, Жуковского сельского совета. Поселили нас на квартиру к колхознице Волошиной. Муж на фронте и трое детей дома. Она, с утра до вечера, на работе в поле. Колхоз назывался "Вторая пятилетка", рядом колхоз имени Горького, а за речкой - колхоз имени Калинина. В деревне Ирба, от мостика, шла одна длинная улица, которая в конце раздваивалась. Вот у этой развилки, спустя некоторое время, мы поселились на квартиру к бабушке Мороз. Прозвище у неё было Купиха, её дочь тётя Тоня, своим недовольством, вынудила нас перейти на новую квартиру к Коваленко. Рядом с нашим новым жильём, ранее пустовавший дом, заняли эвакуированные Павлюки: мать и сын Михаил. Михаил умел чинить чугуны и ведра, делал топоры, точил пилы, смастерил себе крупорушку (их способность приспосабливаться поражала). Они - голодными небыли: ели каши и пекли лепёшки, но в колхозе не работали ни одного дня. У нас же - всё складывалось наоборот. Мама регулярно ходила на работу в поле и на зерносклады. Я закончил в Ирбинской школе шестой класс и, придя домой с экзаменов, обнаружил повестку, в которой говорилось, что я обязан летом отработать заданное количество трудовых (в случае невыполнения - буду принудительно отправлен в Ф.З.У.). С этого дня я начал работать в колхозе имени Калинина, преимущественно на лошадях. Научился обращаться с лошадьми, запрягать, накладывать сено и солому на телегу, возил горючее для тракторов и комбайнов со склада станции Ояш. Вязал снопы и свозил их в скирду, ставил суслоны, был помощником на комбайне. Работал скирдоправом. Вспоминаю часто, как мне приходилось работать на лошадях. У лесообъездчика Волошина был большой пегий конь, я был дружен с сыном Волошина - Толей, и мы частенько ездили поить коня на речку. Однажды к ним кто-то приехал на карей кобыле, нам с Толей доверили обе лошади сводить на водопой. На повороте моя кобыла споткнулась о пенёк и полетела через голову на спину, я отлетел вперёд и не попал под лошадь. Пытаясь моментально вскочить, лошадь махнула задними ногами и едва не задела мою голову. Прямо в сантиметре просвистело копыто надо мной и я понял, что был на волосок от смерти. Вот пример того, как садиться на незнакомую лошадь, особенно на лошадь, которая не поднимает ноги, а волочит их над землёй. Позже, когда я уже работал на лошадях, встречались разные: наряду с уросливыми, злыми, ленивыми, с хулиганскими выходками - были и добросовестные. Отправили как-то меня на бригадный культстан, еду верхом на Ляшке - красновато-рыжий конёк небольшого роста, с белой лысиной на морде. Еду рысцой и вдруг получаю удар по пятке. Еду дальше - снова удар, затем снова и снова. Сел поудобнее и приподнял ноги вперёд, смотрю, как он пытается достать меня. "Вот шельма!", - подумал я. Была ещё старая рыжая кобыла по прозвищу Старый ветер, так её никакими судьбами нельзя было заставить побежать трусцой, не то что рысью. А в загоне поймать непросто. Она, прижав уши, оскалив рот и вытянув шею, кидалась на вошедшего. Моментально действовали наброшенные на спину верёвка или вожжи, - лошадь вставала, как вкопанная и спокойно позволяла одеть уздечку.

Пахать на паре лошадей "саковским" плугом я начинал с ребятами, которые были старше меня. Позже этих ребят призвали в армию и они все погибли на фронте. Я старался не отставать в работе, но куда там, разве можно было со старшими тягаться - это были четырнадцати-пятнадцатилетние мужички. Почти каждый из них брал двухпудовую гирию и, как пушинку, поднимал в воздух. Это меня поражало. Я - городской мальчишка, приехал в Сибирь в полуботинках с калошами. В Сибирь, где к 7 ноября бывает по колено снега. Со временем я научился чинить себе пимы, делать лыжи и салазки с копылами и вязками, в общем стал крестьянином. Покрыв соломой крышу на доме Павлюков (они уехали на запад), вселились в этот дом вместе с семьёй Соколовских. Появился у нас огород при доме. Выкопали ямку под картошку в форме кувшина, она сверху забивается соломой и заваливается землёй на всю зиму до весны. Кроме этой ямки был погреб, в котором хранились картошка, капуста, морковь, свекла. Эти продукты расходовались в течение зимы. А когда мама выменяла у знакомой учительницы из Ояша свою дошу на козу Катю, пуховую козочку Майку и красавца серого, комолого козла Кузьку - мы уже почувствовали себя на равных с местными жителями. Не было только хлеба. Впоследствии выяснилось, что никаких следов нашей трудовой деятельности не сохранилось, так как нам ничего не платили, отсутствовала всякая бухгалтерия и из колхоза им.Калинина в архив Ояшинского района ничего не поступало. Как в рассказе "Цицерон" о шпионах: данными шпионажа немцы не воспользовались, с Цицероном рассчитались фальшивыми деньгами, а Цицерон, не

подозревая об этом, спрятал деньги в схрон и, так же ничем не воспользовался. В последних числах августа 1943 года стало известно, что семилетка преобразована в начальную школу с четырёхлетним обучением. Весь наш шестой класс из двадцати человек рассыпался. В седьмой класс в село Елтышево за 17 километров пошли всего двое: Филонов Вася и я. Вася устроился на жительство к каким-то дальним родственникам и мы с ним встречались только в школе. Меня же мама определила на квартиру к пожилой хозяйке, сын которой был на фронте, жила она со снохой и внуком. Бабушка эта была с крутым характером, часто начинала разговор о незаконности службы сына в армии. "Мы - ясашные...",- говорила она. То есть они - потомки сибирских татар, выплативших дань русскому царю, тем самым откупившихся от воинской службы. Вскоре эта тройка допекла меня своими претензиями и я переселился к одной хорошей бабушке, почти прямо напротив школы. Закончился учебный год, я получил очень хороший аттестат, вернулся в колхоз им. Калинина продолжать трудиться. Так я проработал до июня 1946 года. Вася Филонов уехал со своей сестрой Фросей в Кемерово к родне. Алик весь этот год был в командировке с конём и сбруей в Елтышево при молокозаводе и мы почти не встречались. К Соколовским приехала её сестра тётя Эрн с сыном Аликом Какуровым. Им благополучно удалось покинуть рыболовные промыслы в Нарымском крае. Алик был очень болезненный мальчик, но вскоре окреп и пошёл в первый класс.

За прожитые годы в Ирбе, особенно за 1942-1943 годы, мы лишились не только своего имущества, а в основном имущества бабушки Маргариты. Так мои родители, перед уходом папы в трудармию, лишились двух часов, двух бритв, поддёвки на лисьем меху, очень хороших платяев мамы, а главное бабушкиных вещей: трёх сервизов (обеденного, чайного и кофейного), лампы (семи или десятилинейной) с цветным бело-голубым абажуром, дедушкиного письменного настольного набора, выполненного на мраморной доске, с золочёными решёткой и крышечками чернильниц в форме шлемов древних воинов, массы бабушкиных вещей ручной работы. Всё ценное было выменено на продукты питания, чаще на картофель и муку. Самыми сытыми в деревне были трактористы и комбайнеры: они получали за каждый трудодень три килограмма хлеба. У них были значительные запасы зерна, даже колхозу на весенний посев одалживали зерно. К разговору о потерях: большее всего вспоминать о жилье и имуществе, оставленных в Саратове в 1941 году. На память приходят старинные дорогие вещи: швейные зингерские машинки, французские часы с боем, дубовый сервант с мраморной плитой, дубовые столы и стулья, прекрасный аквариум с фонтаном и лепными узорами, мягкие диваны. А книги... Замечательная папина библиотека, в которой были собрания сочинений Пушкина, Некрасова, Толстого, Лермонтова, Тургенева - всё это были дореволюционные издания. Книги на божественные темы в изумительно красиво оформленных переплётах с яркими иллюстрациями, подаренные мне бабушкой. Потеря домов - сегодня, при нынешней сложнейшей ситуации с жильём, отдаётся особой болью. Утрачена квартира дедушки на Кирпичной улице, наша - на улице Гоголя, квартира тёти Марии - на Мясницкой, квартира дяди Вани, папиного младшего брата, - на Большой Казачьей. Теперь, по прошествии шестидесяти с лишним лет, видно, как беспокоится страна о своих людях. Сколько было загублено жизней на лесозаготовках, в шахтах, на рыбных промыслах Севера и вместо раскаяния за содеянное, получаешь прямое неприятие законного требования - вернуть жильё.

Я отвлёкся от прямого повествования о дальнейшей жизни в Сибири. В 1944 году неожиданно заболела мама. Дали лошадку и отвезли маму в Ояш в больницу. К счастью, там оказался настоящий врач от бога - Вильгельм, тогда его все называли профессор Вильгельм. Он, как и все немцы, был отстранён от должности врача и поставлен конюхом, там же, при больнице. Он точно определил диагноз - брюшной тиф. Строго предупредил, что можно и что нельзя кушать. Проследил за лечением, всё обошлось благополучно - маму вернули к жизни.

Во время моей учёбы в седьмом классе Елтышевской школы, вдруг вернулась назад посылка, посланная папе с табаком, - это был шок. Значит - что-то стряслось...Видимо папу в это время перевели на работу в другую шахту. Мой соученик-переросток, по фамилии Докторов, - эвакуированный, услышал о посылке с табаком, стал регулярно напрашиваться в гости - покурить. Кончилось тем, что к концу экзаменов за седьмой класс я стал курильщиком. Сшил себе кисет, заимел кресало и фитиль в патроне, спичек ведь не было. Люди, чтобы растопить печь, смотрели у кого идёт дым, туда и шли за жаром, т.е. за углями. Живя на квартире у семьи Мороз, мы с мамой обеспечивали себя дровами, ходили с салазками в лес. Чтобы далеко не забираться, спиливали берёзы на межах, они там правда корявые, свилеватые, твёрдые были, но поближе. Привозили, пилили, кололи с запасом на будущее, каждый раз промачивая ноги. Особенно тяжело было к весне, когда снег оседал и дорога становилась выше, тогда и на лошади было плохо. Лошадь проваливалась и рушила дорогу, сани сваливались, лошадь ложилась и трескали оглобли. Приходилось распрягать, выводить лошадь на дорогу, разгружать сани и вытаскивать их. Затем всё сначала: запрягать, загружать и осторожно ехать, стараясь не попасть в такую же ситуацию. Это повторялось, так как ежедневно нужно было возить корм и дрова. Надо заметить, что население деревни было разнообразно по происхождению, так в средней части жило много семей чалдонов -

коренных жителей, много русских (например Волошиных), украинцев (Камыш, Омельченко, Бойко, Занько, Левченко, Коваленко, Макута, Фенюк), белорусов, - всех их можно было сразу распознать по выговору, особенно по старинным песням. Украинцев было всё же больше. Речь, звучащая в деревне, представляла собой несусветную смесь, непохожую на привычный говор в Елтышево. Так например домашнего кота называли "кит", а в соседней деревушке Ирба - того же кота называли "кут". И таких расхождений было много. Потешались друг над другом, однажды был случай, буквально шокировавший меня. Мы жили у бабушки Купихи и тёти Тони, их дом находился напротив У-образной развилки улицы, в середине которой - молодой березняк. Там собиралась молодёжь на вечерку, пели частушки, плясали под балалайку. Вдруг слышу: "Миша, иди к нам!", и так несколько раз. Ну прямо голос моего папы. Я испугался. На следующий день вечером я пошёл на вечерку, где среди деревенской молодёжи было несколько моих одноклассников. Как выяснилось, пришёл по ранению старший сын Омельченко - красавец с вьющимися волосами, высокий - он и звал меня, хотел познакомиться с городским пацаном. Ранен он был в руку, побыв не долго дома, уехал снова на фронт. Позже в 1945 году стали возвращаться сельчане с наградами. Одним из первых пришёл весёлый песенник - Валентин Мелков, от него стали известны многие песни военных лет. Возвращались и старики, чуть ли не пенсионного возраста. Так например Мороз, отец моей одноклассницы, тоже всё время что-то весёленькое напевал: "И ранней порой напоим коров, а потом овец".

В мае 1945 я работал далеко от деревни, на самом краю угодий - боронил пашню. Смотрю, едет верховой - мальчишка из деревни, известил, что война кончилась. Далее продолжалась жизнь, ничем существенно не отличавшаяся от прежней.

Был ещё один случай, запомнившийся мне в 1944 году. Мы с ребятами были на весенней вспашке, четыре или пять пар лошадей. В обеденный перерыв распрягли и пустили лошадей на отдых. Вдруг крики, шум. Лошадь Серуха стала валяться и пропорола себе брюхо. Какой-то идиот срубил деревцо, оставив ствол, торчащий сантиметров на двадцать от земли. Этот острый пенёк проткнул как копьём лошадиное брюхо. Мы находились около бригадного дома, в то время его называли культстан. Я уже упоминал, что местные подростки - это мужички, знающие хозяйственные дела. Моментально Иван Волошин извлёк из культстана косу и зарезал бедную лошадку. А хозяин Левченко бегал и причитал, что теперь меня посадят. Отправили тушу на колхозный склад. Всё обошлось благополучно. Мясо - конину - вскоре съели. Нам с мамой отдали заднюю ляжку, так вот нас подкормили. Местные друзья сначала брезговали, а потом готовые котлеты ели с удовольствием.

Хочется о людях рассказать больше, ведь вся жизнь протекала в тесных взаимоотношениях. Председателем был, недавно назначенный, вернувшийся по ранению с фронта, Фенюк Николай Фёдорович. Его родители жили на другом конце деревни, в колхозе "Вторая пятилетка" и никогда у нас не появлялись. Ранен он был в нижнюю челюсть. Можно себе представить, как ему давалась речь и всё остальное. Вся организация труда лежала на женских плечах бессменного бригадира Насти Головатых, повидавшей разных председателей. В деревне шла за семьёй Головатых слава - умные, сообразительные. Брата Насти звали Ёсип - это был образованный парень -самоучка, читал Лорда Байрона. Узнав, что появился в деревне подросток, перечитавший всю школьную библиотеку, играющий в шахматы - он несколько раз был у нас. Предлагал почитать любые книги из своей домашней библиотеки. Он приходился двоюродным братом Васе Филонову. Ещё у них была старшая сестра Александра, а по-деревенски Шурка Головатых, она была, кажется, домохозяйкой. Настя же умело распоряжалась многими колхозными делами. Вспашка земли, боронование, посев, уборка, подвозка корма и дров, косьба и уборка сена. Всё должно было своевременно и хорошо сделано. Помню косьбу зерновых с лобогрейкой и вручную косами с пристроенными граблями: мама выполняла и эту работу вместе с колхозницами, очень тяжело было. Вязали снопы и устанавливали в суслоны, затем снопы свозились в скирды и в дальнейшем обмолачивались или молотилкой или комбайном. Всё было под контролем Насти, малозаметной, спокойной, молодой женщины.

О рыбалке на реке Матын. Ещё в шестом классе, увлечшись рыбалкой, мы с Павлюком затемно уходили из дома. Меня, по моей просьбе, будила мама, а я будил Михаила, и мы по тропинкам, протоптанным скотом, босиком бежали по кособогу вдоль реки. Необходимо было до восхода солнца быть на том месте, которое находилось в пятидесяти-семидесяти метрах от разрушенной плотины. Мельница была цела, но работала частично, в большей мере из-за отсутствия хлебных злаков. Осенью, после уборочной страды, зерно со складов вывозилось под метёлку, не оставляли даже на посев. Всё делалось под надзором уполноминзага, представителя государства. У Михаила на его брезентовом плаще, с внутренней стороны, были пришиты большие карманы вместительностью до ведра. Павлюк прошёл хорошую жизненную школу, откуда извлёк необходимые навыки. Сам он был года на четыре старше указанного в справке возраста, это было видно невооружённым глазом. Матери его в ту пору было уже далеко за пятьдесят. Они никогда о себе ничего не рассказывали, так отдельные эпизоды. Например, как разъярённые бабы избивали советского генерала. Они, Павлюки, видимо, были с западной Украины. В 1941 году, спешно покидая родные места, в районе Донбасса

попали под эвакуацию, а по пути под Курском попали в оккупированную немцами зону. Там они жили, пока наши войска не освободили Курскую область. Так что они повидали лиха предостаточно и житейского опыта набрались.

Вернусь к эпизоду о рыбной ловле. Заранее, за день-два до рыбалки, в речке, на перекатах, где воды по щиколотку, на подводных камнях набирались личинки ручейника. Они бывают с чёрной головкой и желтоватым брюшком, с коричневой головкой и белым или зеленовато-белым брюшком. Это надёжная, безотказная насадка для плотвы или сороги (названия одной и той же рыбы). Ручейник сидит в трубочке, им же изготовленной из мельчайших камешков или из растительных остатков. При передвижении он высовывает переднюю часть тела с ногами наружу и ползёт, таща на себе свой домик-трубочку. Место нашей рыбалки - это песчаный плёс, полого уходящий вглубь к противоположному берегу, справа и слева от этого плёса есть более глубокие места. Приготовили мы с Мишкой по две удочки длиной полтора метра, с лесками, плетёнными в три конских волоса, да с двумя маленькими грузилами. Одно в 15-20 сантиметров от крючка-заглотыша, купленного у кемеровских продавцов за одно яйцо, другое грузило - по середине длины лески, чтобы леска быстро тонула и ложилась на дно. Вот Павлюк достал две большие пригоршни так называемых "высевок", а попросту - крупы и бросил в воду. Что тут началось, казалось, вся мелочь собралась на пир. По прошествии нескольких минут - ещё две горстки "высевок", и тут пришла крупная сорога. Она моментально разогнала мелочь и речка буквально кипела. Солнце только начало показываться из-за горизонта. Тут мы, насадив насадку, осторожно забросили удочки, а удилица положили на приготовленные рогульки. И пошло, в течении часа шла хорошая плотва, куда солнце окончательно не поднялось, а уж после - одна мелочь клевала. На правом берегу когда-то росло толстое дерево, засохло, упало поперёк речки и не хватило трёх метров до левого берега - хороший был бы мостик. Вот в этом месте была яма и там жила щука, метра полтора длиной. Однажды, возвращаясь с рыбалки, мы захватили процесс охоты нашего кузнеца Гришанкова Макара Захаровича за этой щукой. В помощниках у него была Ольга Ивановна Мелкова, деревенский фельдшер.

С бреднем в руках прочёсывали они обозначенное место, когда уже думали, что щуке некуда деться и она попалась, хищница метнулась, сбила с ног фельдшерицу и ушла в яму. Раздосадованные, они собрали пойманную мелочь и ушли. Около сваленного дерева было место рыбалки пожилого человека дядьки Михайла. Не так давно отсидел дядька Михайло несколько лет ни за что, в те времена нередкий случай, но в связи с ухудшившимся здоровьем был отпущен. Сняли его родственники на станции с поезда недвижимого, ноги распухшие, как столбы. За весну и лето откормили его, подлечили и он стал медленно ходить. Потихоньку передвигался, частенько с удочками и на речку.

Дядька Михайло был мой конкурент по изготовлению корзин. Его корзины - продолговатые, с плетёнными ручками, с заплетённым наполовину верхом и с крышкой - были намного удобнее моих, круглых. В этих корзинах любили деревенские женщины носить продукты, такие корзины нужны были всем. А мои - хороши были только для сбора овощей и пользовались не таким спросом, как дядькины. Меня это несколько не смущало. Вскоре дядька Михайло не стало. Потеря мужского населения для колхоза было прямо-таки бедствием.

До войны были арестованы Мороз Апонас, Левченко Михаил, Волошин Виктор, Макута Савелий и ещё человека три-четыре. Из них вернулось только трое, двое умерли через короткий промежуток времени. Два последних военных года унесли много пожилых людей, в основном болевших туберкулёзом: мой учитель "по скирдоправскому делу", кузнец Гришанков, его жена, Иосип, Мороз (Купиха), Мороз (девочки из Новосибирска), дядька Михайло, Левченко Михаил. Военные и послевоенные потери, уход демобилизованных из колхоза на производство - это несомненно повлияло на спад в сельском хозяйстве. Не с чего ему было процветать, когда под метёлку вывозили зерно, а в поле работали дети, которым ещё нужно было учиться и учиться. А они едва научились расписываться. У большинства не было и четырёх классов образования. Думаю, что большую роль в развитии сельской молодёжи сыграло народное творчество. Пели частушки на все случаи жизни, "прохожие песни", которые поют на ходу, в движении, пели и старые полузабытые песни, песни гражданской войны. Музыкальными инструментами были балалайки, гармошки молчали: то ли их не было, то ли лежали в сундуках, дожидаясь своего часа. Радио не было, приносили газеты со сводками Совинформбюро и я их читал вслух по утрам на бригадном дворе, в правлении колхоза, на культстане, километрах в десяти от дома. В конце 1944 года, по Указу Президиума Верховного Совета СССР, было восстановлено право переселенцев на ответственные работы. Мама была принята учителем начальных классов в Ирбинскую школу. В 1945 году наши сожители-земляки Соколовские переехали в районный центр на станцию Ояш. Алик устроился в железно-дорожные мастерские в литейку. Его научили там работать - делать формы и кокили для отливки деталей. После нашего отъезда на Урал, связь с ними была утеряна. А пока мы занимали дом одни. Вспоминаются мне и люди, так сказать власть предержащие. Был в деревне постоянный житель по

фамилии Жуков. Он был заведующим молокоприёмного пункта, он же народный судья и какой-то деятель в сельском совете, периодически председательствовал. Так вот всю войну бабы жаловались. Что установят норму, а он, снижая жирность молока, заставлял сдавать ещё и ещё. Одного пацана, эвакуированного, - за частушки осудил на год условно, да ещё оштрафовал. Ходил этот Жуков, хромя на обе ноги, а война кончилась и его хромота кончилась. Вот этому как раз по пословице: "Кому - война, а кому - мать родна". Второй случай иной. Был школьным учителем некий Сорокин, затем бросил работу и стал просить милостыню. Лично встречал его в своей хате оборванного, - живого места нет, с протянутой рукой. И о чудо! Война кончилась и он пошёл в школу учителем. Видимо страх быть отправленным на фронт парализовал его мозг и человек опустился. Вот ещё два случая, которые за недоказанностью остались нераскрытыми, но народ-то своих "героев" знает. Уехала с отчётом на лошадке в санках красавица Марийка - секретарь Ирбинского сельского совета, лошадка прибежала одна, а девушку нашли на дороге изнасилованную и убитую. Председателем сельского совета в то время был муж учительницы русского языка и литературы Давыдов. Двумя годами раньше в Елтышево повесилась десятиклассница, младшая сестра этой же учительницы, тоже оказалась изнасилованной.

Перейду на другую тему. В возрасте пятидесяти лет мне много раз виделось во сне, как наяву, очень знакомое место и я перебирал в памяти всё, стараясь вспомнить, где я мог видеть эту неширокую речку, с наклонившимся до самой воды стволом дерева, а я на дереве и наблюдаю за рыбёшкой. Речка насквозь до дна просвечивается солнцем. И вот, наконец, пришёл ответ. Я вдруг через много лет вспомнил, что я бывал на том месте во время подготовки к экзаменам за седьмой класс в селе Елтышево. В этом селе действовала артель "Верёвочка", занимавшаяся изготовлением различных верёвок. В их ассортименте были недорогие верёвочные лапти, которыми мы с мамой пользовались, сносив не по одной паре. Замечу, что удобнее обуви для ходьбы в зимнее время не было. Тогда было принято сапожничать и почти каждый умел шить сапоги или валять валенки, а по-местному катать пимы. Много в те годы пришлось городить изгородей, ежегодно по весне, так как старые изгороди за зиму разваливались и нужен был ремонт. Протёсывались с двух или четырёх сторон, в зависимости от толщины, колья и парами вгонялись в землю, постоянно размачиваемую водой. Затем из ивовых прутьев делались вязки, стягивающие эти пары кольев, вначале понизу по длине жерди, те, в свою очередь, притёсывались с двух сторон и укладывались на вязки промеж кольев. Затем второй ряд вязков и жердей, потом третий, четвёртый, пятый и шестой - получился надёжный забор. Такими заборами были огорожены большинство огородов, загоны для скота, отделена поскотина от деревни, чтобы скот по деревне не бродил. Для населения были сделаны перелазы, а для скота - ворота. Если требовался более плотный забор, делался так называемый тын: такие же пары кольев, только продольных жердей три, их заплетали заготовленным тыном. По этому же принципу делались сараи для скота с последующей обмазкой. Коровник или овчарня по-сибирски - стайка. Ещё при необходимости делались плетни, когда густо, на небольшом расстоянии забивались колья и ветками плотно переплетались.

Вспоминаются два случая посещения нашей хаты кочевыми цыганами. Первый раз зимой 1943 года подъехала (на корове!) семья цыган, состоящая из стариков: бабки и деда, их снохи и детей. "Пустите нас переночевать, если вы не пустите, то нам больше не к кому обратиться, так нам сказали..." Пустили. Наутро цыганки ушли гадать по деревне, а дед нянчился с детьми. Один день отдохнули и ушли своей цыганской дорогой. В 1944 - тоже зимой, снова цыганская семья, но на лошадке, уже по цыганской почте знала место ночлега. Глава семьи - пожилой красавец с кудрявой бородой и шевелюрой, наполовину поседевшей, старая цыганка и их дочь. Отцу-старика до того понравился наш козлёнок, что мы уступили его просьбам. Поутру цыгане уехали с нашим козлёнком.

В последних числах 1946 года, возвращаясь с работы, уже в дверях нашего дома, столкнулся с папой. Он сказал, что если бы где-нибудь встретил, то ни за что не узнал бы меня, так я изменился внешне, сильно вырос. Папа приехал, чтобы увезти нас на Урал в Пермскую область, тогда она называлась Молотовской. Вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР "О воссоединении семей". Были сборы недолги, без задержки получили в Ояше паспорта и в попутных воинских эшелонах, с пересадками с одного в другой, доехали до места назначения - до Кунгура. В моём паспорте в графе "национальность" написано - русский. Это нисколько не удивило никого, так как я с раннего детства считал себя и считаю русским.

Кунгур

Кунгур - старый купеческий городок, расположенный между реками Сылвой и её притоком Иренью. В городе - десятки церквей и церквушек, по словам местного историка А.П.Евсеева, купцы, якобы соревновались в своих добродетельских возможностях. Кунгур расположен на железной дороге, идущей в Сибирь и далее на Восток, от Перми - в ста километрах, от Свердловска (ныне

Екатеринбург) - в трёхстах. Если подъехать к городу с Севера по Берёзовскому тракту и остановиться на второй Ледяной горе, то в зимнее время города не увидишь, он весь в яме, покрытый туманом - дымовой завесой. Дым от работающих заводов задерживается в низине, не уносится, а буквально накрывает город. В западной его части - машзавод, а рядом, чуть южнее - кожомбинат, вобравший в себя ряд мелких предприятий, к примеру фабрику лёгкой обуви. В низинной же части находятся четыре средне-специальных учебных заведения, кажется все построены в дореволюционное время купцом Губкиным. В верховьях реки, у города, на правом берегу рядом с селом Филипповкой и деревней Беркутово на левом, - лесозавод. В послевоенные годы в этом маленьком городишке было четыре колонии заключённых: мужская, женская, детская и литейка. На левом берегу Сылвы расположена школа шоферов, а на правом, почти напротив, - лесной техникум. Спускаясь по течению ниже - металлический мост через Сылву. Ещё ниже, на левом берегу - белое здание Райисполкома. Райкомы КПСС и ВЛКСМ были расположены на возвышенной части города. Железно-дорожная станция и вокзал находились далеко от города, разделённые сосновым бором. По направлению к Берёзовке был хороший березняк. Ещё Кунгур известен своей Ледяной пещерой, тянущейся на север от села Филипповка к райцентру Берёзовка. Вот в этот город мы приехали можно сказать добровольно и вскоре попали под спецкомендатуру, как рыба на кулан. Появился указ, который гласил о лишении свободы на двадцать лет за отлучку из района проживания.

**Коллектив совхоза "Комсомолец", его руководящий костяк.
Мой папа, Рековский Александр Францевич, - в первом ряду слева второй.**

Мы приехали в совхоз "Комсомолец", он был подсобным хозяйством ОРСа Кизелшахтостроя. Коллектив рабочих на пятьдесят процентов были немцы Поволжья, Кавказа, Кубани и Сибири. Ранее это была зона для репатриированных, то есть наших сограждан, попавших в плен к немцам в период войны и затем освобождённых. Потом зона для женщин, связанных как-либо с немцами. А к нашему приезду там был филиал зоны немецких военнопленных. Сама зона была километров в семи - десяти от города. Она была огорожена колючей проволокой. Там были вырыты длинные землянки, дорожки между которыми были посыпаны песком, на дорожках этих стояли садовые скамейки со спинками из толстых прутьев. Кругом чистота и порядок. Ходили военнопленные строем на работу и назад в деревянных башмаках (дощечки с ремешками), шум от них был далеко слышен. По субботам, по договорённости с начальством, выделяли из числа военнопленных хорошего парикмахера, который работал в пустующей комнате одного из барачных совхоза. При этом неизменно присутствовал

переводчик. У военнопленных был свой староста, этакий спортивный здоровяк. Говорили, что он там их лупит, если кто провинится. Поселились мы на втором этаже двухэтажного дома, в угловой квартире с окнами, выходящими на дорогу и на сарай, - то есть на зады. Завели котёнка Ваську и собачку Розку - болонку. А потом поросёнка и корову.

**Урал 1947 год. Рековские: Александр (мой папа) и Евгений - братья.
Слева крайняя - Инесса, старшая дочь Евгения, крайняя справа - его младшая дочь - Эльмира,
в центре слева - Маргарита Михайловна, жена Евгения,
рядом - моя мама, Бронислава Люциановна.**

Мама сразу поступила на работу учителем в начальную школу. Папа ещё до нашего приезда был назначен главным бухгалтером совхоза. Я был принят без экзаменов в маштехникум, получил место в общежитии. Полгода всё шло неплохо, но потом бронхит замучил и дошло до того, что слёг. Была проверка в туберкулёзном диспансере, однако всё обошлось, но год был всё же потерян. Папа сказал, что совхоз посылает своих людей учиться на шоферов и, что, если я хочу - могу ехать. Я поехал с радостью. От совхоза поехали двое: я и Валентин Чесноков, недавно демобилизованный младший лейтенант. На груди - два ордена Отечественной войны второй и третьей степени и пять медалей за боевые заслуги. Его в группе сразу прозвали Рокоссовским. Мне оказалось трудно, так как в группе в основном все были демобилизованные, и почти все водили автомобили - у многих уже были армейские, выписанные командиром части, права на управление транспортом. Учебную езду в школе шоферов я проходил на полуторках ГАЗ - АА и ГАЗ - ММ, а стажировку в совхозе - на ЗИС -5. Совхоз стал получать новые машины: четыре московских ЗИС - 5 и пять или шесть уральских из Миасса. Разница в качестве была: у московских и стартеры и компрессоры служили дольше. Были ещё не то два, не то три студебеккера. Один - со всеми ведущими осями и лебёдкой, второй и третий - с двумя задними ведущими мостами. Отличная техника с большим запасом мощности. Из-за бездорожья, глины и слякоти, ездили, кто где проскочит. Решили построить щебёночную дорогу до Берёзовского тракта, километров пять протяжённостью, и стали возить с реки Шеквы известняк. Грузчиками в карьере были военнопленные немцы и работники совхоза. Рыболовам, кстати, повезло - и туда и обратно на машине -красота. Через реку - плотина, по ту сторону - мельница, под мостом - настил из брёвен - водосброс. Вода - чистейшая! Под водосбросом - огромная яма, а дальше мелководье - пережат. Дно - галечник, можно бродом перейти - воды до колена. А у берега родники бьют: вода чистая, вкусная, холодная, как лёд. Позже, года через два, весной после схода льда,

ставил я вдоль берега самоловки. Из пятнадцати - десять оказывались с добычей: налимы по четыреста-шестьсот грамм, иногда щучки по пятьсот. Были случаи, когда удавалось поехать на рыбалку, объединившись с такими же заядлыми рыболовами. Такие как Зернов В.А. и Тиунов Г.Е., находили крупную рыбу, если плотва, - то грамм по шестьсот. Верхом мастерства было ловить голавля нахлыстом, некоторые рыболовы только этой ловлей и увлекались. Однажды с моста заметили на быстрине у края ямы стаю рыб. Все подумали, что это голавли, обычно они ведут себя так на быстрине. Зернов сообразил, что это не голавли. Побежал в кусты и мигом соорудил длинное удище с леской, поплавком и, насадив пескаря, тут же выхватил щуку. И пошло тогда, как пескарей стал таскать щук. А во второй раз помешали спиннингисты и, уже такой, как в первый раз, рыбалки не получилось. Кстати, эта было наше первое знакомство со спиннингом. Приехав домой, я незамедлительно изготовил себе катушку и удище. А в следующую рыбалку учился бросать и, помнится, что-то попадалось. Ещё не очень хорошо представлял себе, какой должна быть снасть для спиннинговой ловли.

В 1947 году вступил в общество охотников и купил одноствольную переломку шестнадцатого калибра Златоустовского завода, а к ней барклай, закрутку и мерку. Вскоре приходит жена директора совхоза - Елена Ивановна, и предлагает на выбор чистокровного щенка русской гончей. Я с благодарностью взял чепрачную суку и охотился с ней семнадцать лет. Она меня прекрасно понимала, я же по её поведению понимал обстановку. Мой друг, оставшись без собаки, приезжал ко мне на охоту. Вот его слова: "Городские охотники никогда не слышали такого гона". В этот период в совхозе "Комсомолец" было порядочно гончих "косторомичей": у директора - Дозор и Тревога, у агронома - Карта и Плакса. Затем Карту взял директор школы. У нового агронома - Милка, - однопомётчица моей Пальмы. Мой товарищ Егор завёл себе кобеля англорусса Громилу. Вот однажды случилась охота с четырьмя собаками, когда как я был один. Это непередаваемо: низкие и высокие голоса совместно вели гон за зайцем без сбоев, ровно до выстрела. Такое не забывается.

В 1948 году я сдал вступительные экзамены в лесотехнический техникум и меня приняли на лесозаготовительное отделение. Совхозную машину я сдал новому шофёру и уехал в Кунгур. Там, в Кунгуре, получил общежитие в двухэтажном доме, поселился в комнату на шесть человек. Занятия, как правило, начинались в октябре, а то и в ноябре, сентябрь же - проходил в колхозах района. К концу учёбы учащиеся знали близлежащие колхозы не понаслышке. Был случай, когда мне, по решению правления колхоза, вручили премию - поросёнка. В лесотехникуме мне встретился приятель, с которым полгода проучились когда-то в маштехникуме - Аркаша Семенищев, он тоже по болезни вынужден был тогда прервать учёбу. Так мы были дружны до конца учёбы, пока судьба не разбросала нас по свету. Было много хороших ребят, так например гитарист-песенник, бывший командир разведки в штрафном батальоне - Фролов Игорь. Баянист, который вёл все концерты в техникуме - Барсаев. Лыжники Н. Вертипрахов и Н. Коршунов всегда шли первыми на всех соревнованиях по лыжам. В то время, снятый с должности министра обороны и присланный затем в Уральский военный округ командующим, маршал Жуков Г.К. объезжал свои владения и заехал в Кунгур. В это время я возвращался из техникума в общежитие и зашёл за дешёвым куревом в магазинчик при райкоме КПСС, купил и к выходу. Открываю парадную дверь и чувствую, что кто-то снаружи помогает. Дверь открыл и на пороге, прямо нос к носу стоит маршал Жуков. Разминулись. Выходя, я обратил внимание на улицу: ряд легковых автомобилей и много военных. Вот такая неожиданная встреча произошла: видел живого маршала Жукова совсем близко! В местной газете освещали его приезд и посещение им Кунгурской ледяной пещеры. В Кунгуре была хорошая традиция: перед Новым годом скульпторы лепили из снега огромные фигуры сказочных персонажей и зверей, обрызгивали их водой - долго ледяные великаны украшали городской сад. Другая традиция, не менее интересная - организовывать на льду реки Сылвы бега рысаков Кунгурского конезавода. Захватывающее зрелище. На бегах публика находилась значительно выше и обзор был прекрасным. Обычно организовывалось угощение блинами, пирожками, пивом и водкой - всё это приурочивалось к масленице. Однажды, во время бегов, смотрим съезжает вниз и занимает ряд солдат на санках с необычно яркими коврами, посланный военкомом из военкомата: они, видимо, считали своего конька с большими задатками, но где же ему было тягаться с чистокровными рысаками, - он сразу же безнадежно отстал. Лесотехникум славился своими физкультурниками - не только лыжниками, но и слаломистами, конькобежцами, легкоатлетами-разрядниками, тяжёлоатлетами, даже мастерами спорта. Глядя на них, многие тянулись к трапециям и брусам, всё своё свободное время, отдавая тренировкам, достигли неплохих результатов. Подтягивались на турнике не менее десяти раз, делали склёпку и выход в упор с переворотом, а затем многие стали делать силовую склёпку. А вес-то у всех был разный. Например проделать эти упражнения при весе сорок-сорок пять килограмм - это одно, а при весе семьдесят два-семьдесят пять - это другое, но делали-то почти все.

Во время подготовки в маштехникум, я обнаружил у приятеля, стоящий на комоде кировский баян и поинтересовался инструментом. Приятель мой играл фокстрот, вальс, частушки. Позже мы вместе подбирали мелодии, получалось неплохо. У меня были трудности играть обеими руками вместе, но

тренировками удалось это преодолеть. Спустя некоторое время я купил полубаян кустарного производства с медными планками. Звук был прекрасный, но механика изношенная: часто западали кнопки. Репетиции продолжались и в репертуаре появлялись всё новые и новые мелодии. В совхозе был организован струнный оркестр. Руководил этим оркестром Лёня Финкайзер, человек с прекрасным слухом и отменными навыками игры на мандолине. Нотной грамоты он не знал, пользовался терминами, одному ему понятными: например А соответствовала какой-то ноте - не то До, не то Ля. Но оркестр играл. Я влился в этот оркестр. Часто играли на танцах, в экстренно переоборудованной столовой. Помещение нам давали неохотно, часто со скандалами. Наконец директор совхоза распорядился сделать в парке между конторой и столовой танцплощадку. Пол и скамьи оставляли желать лучшего. Если бы в то время ходили на "гвоздиках", то все каблуки остались бы там. Вскоре профком разорился на набор струнных инструментов и баян кунгурского производства. Иногда собирались вместе и гармониисты, вот тогда музыка звучала во всю силу. Однажды был такой случай, когда играли две гармони и баян, вдруг на пороге появился с недавно приобретенным аккордеоном Николай Герих, и растянул меха. Кроме него никого не было слышно. Вот тут я понял, что из себя представляет хороший, настоящий инструмент, сделанный руками настоящего мастера. Если учесть, что меха выполнены из кожи, все уголки хромированы, то инструмент очень надёжен. Жаль, но баянов таких не довелось видеть и слышать. Было два случая, когда дважды приезжал большой оркестр из военнопленных немцев: они объезжали все зоны с концертами - заехали и в наш совхоз. Оборудовали для их выступления площадку на крытом току, до сих пор вспоминаю эти концерты.

Коллектив совхоза "Голдыревский".

Во втором ряду слева третий - мой папа, мама - в третьем ряду третья слева.

В 1951 году я, неожиданно для всех и для себя, вдруг женился. А в 1952 году, когда должна была появиться на свет дочь Елена, мы всей семьёй переехали в совхоз "Голдыревский", расположенный в 27 километрах от Кунгура на Сибирском тракте. Жена с дочерью из роддома приехали на новое место, в новую квартиру, вернее в половинку дома. Соседями нашими были Канчуковские. Я получил самосвал ГАЗ-93, с маленьким кузовом и фанерной кабиной экземпляр, то есть самая ранняя отечественная модель. Машина моя была предназначена в хозяйстве для зернового конвейера: комбайн - зерноток - бункер зернохранилища. В остальное, не уборочное время, машина простаивала, а я скитался по разным работам, не раз пожалев о том, что сорвался из совхоза "Комсомолец".

В 1955 году в лесотехникуме открылось заочное отделение, я заехал определиться и директор предложил мне перейти на работу в техникум шофёром. Я согласился и получил справку о зачислении меня на учёбу. Так в 1955 году сдал два предмета - электротехнику и машиноведение и сразу же перевёлся на очное отделение на четвёртый курс. В 1956 году закончил техникум и получил направление в Лысьвенский леспромхоз. Там меня направили на работу на Старое Кормовище, которое расположено на железно-дорожном пути, связывающем станцию Калино Пермской области и станцию Кузино Свердловской области. Обе станции узловые. Там я начал с десятника - приёмщика, потом сменным мастером и через полгода старшим мастером. Пришлось менять всю технологию работы и внедрять новую систему оплаты. Дело наладилось, люди стали хорошо зарабатывать. Кроме перестройки работы на Старом Кормовище, было ещё много интересного. Охота на уток, охота на боровую дичь: рябчика, тетерева. Начальник участка Третьяков рассказывал, как они охотились на медведя. Сам я в дебрях с медведем не встречался, а следы видел. Дедушка Дьяченко ушёл с кружечкой за малиной для внучки и пропал. Всей деревней несколько дней искали, так и не нашли. В конце концов решили, что медведь задрал и где-то завалил хворостом. Очень интересная охота с манком на рябчика. Рябчик - очень быстрая птица, которая прилетает на манок, как молния и может сесть рядом на ветку, что и пошевелиться нельзя. Удивительная птица! Третьяков так называл: самочка и самчик. По трели можно сразу определить, кто свистит: он или она. Живут они только в хвойных лесах, где на полях кусты рябины, калины. В пищу идёт ягода и хвоя. Охота на косачей (тетеревов) - очень интересная. Я ходил в окрестных лесах и перелесках на косачьи тока, там их было порядочно, но такого тока, как в мелколесье - я не встречал никогда, и больше, это уж точно, увидеть не придётся. Ток с участием большого количества птиц, счесть их невозможно, но думаю не менее ста. Когда солнце поднялось над горизонтом, косачи, продолжая токовать, разлетелись по мелколесью и, перелетая с места на место, попадали в поле зрения над просекой. Это была охота! Глухарей тоже приходилось добывать, только случайно с подхода, не на токах. Однажды я ушёл в лес на ночь, и вот после захода солнца, в сумерках, я услышал сначала щелчки, а потом и "пиление" - песню глухаря. Разглядывая ветки деревьев, мне удалось увидеть птицу на фоне неба. Мне он показался маленьким - сидел высоко. Я решил дожидаться утра. Сделал из гнилых брёвен нодью (специальный костёр) и провёл ночь вблизи глухарьего тока. Рано. Задолго до восхода солнца, глухарь начал щёлкать и продолжительно выжидать. Слышно, вдали помогает первому ещё один, и ещё ... Я, набравшись терпения, затаился, и вот, наконец, он перешёл на свою песню. Не спеша делал я два-три шага навстречу и замирал, как вкопанный. Приблизившись к глухарю, я понял, что подошёл вплотную, под его же песню я стал отходить назад. Потом с расстояния 12-15 метров я добыл птицу и отправился домой. Второй и третий продолжали токовать. Иногда случается так: живёшь и не знаешь, какое поблизости сказочное место есть. Так я, находясь в хвойном лесу, решил перейти тропу, идущую к селу Орда. Там проходит низина под названием Плоское, через которую сделан мостик. Подойдя поближе, я обомлел: всё было залито водой и темно от стай разных уток. Насмотревшись, решил ещё раз прийти сюда. Я пропитал рыбьим жиром свои кирзовые сапоги, так как других не было, рано утром отправился к низине. Я брёл, чуть не черпая сапогами воду, стрелял в, вылетающих из-под самых деревьев, уток. Что удивительно, выстрелы нисколько не распугивали стаю. А сапоги мои кирзовые на медных шпильках оказались отличного качества. Словом, познакомившись с этим местом, в следующую весну я там снова удачно поохотился.

**Урал. Пермская область,
совхоз "Голдыревский".
Я стою на фоне совхозной
конторы, возвращаясь на
рассвете с глухарьего тока.
1960-ые годы.**

**Рековский Александр Францевич -
мой отец.
Снимок 1949 года.**

Наступил 1957 год. Папе исполнилось шестьдесят лет и ушёл на пенсию. Стал вместе с мамой заниматься пчёлами. Часто думая о Родине, папу не оставляла мысль посетить Саратов. Папа с мамой отправились в Саратов на теплоходе: от Перми по Каме, затем по Волге до родного города. Съездили хорошо, повидались с друзьями и родственниками, но за время пути папа на теплоходе простудился. Дело с лечением затянулось. Когда по возвращении домой папа обратился к врачу, его положили в районную больницу: выяснилось, что нужен стрептомицин. Мама обратилась в Москву к дяде Гене, он моментально купил лекарство и отправил с проводниками поездом пакет. Получив долгожданный свёрток, мама взялась за дело, - отвезла в больницу, начали колоть без оглядки так, что раздуло печень - увеличилась так, что всю грудную клетку перекорбило, одно плечо выше другого - смотреть страшно. Поддержали в больнице - поддержали и выписали домой. Так никакого улучшения и не наступило. 3 февраля 1958 года на шестьдесят первом году жизни папа скончался.

В совхозе мне предложили работу механика автогаража. Работа - адская. Ни выходных, ни праздников: путевые листы, ремонт парка автомобилей, всяческие замены водительского состава, отправка рожениц, продажа билетов для поездки на базар, вывозка дров, вывозка сена каждой семье, выписка нарядов на ремонт, поездки в автотракторосбыт с заявками на получение запчастей. А

уговоры и беседы с недовольными, улаживание конфликтов...

Отработав два с половиной года, подвернулась возможность сменить профессию автомеханика на токаря. Тот же оклад, тот же месячный отпуск и свобода. Занялся рыбалкой и охотой.

Итак, хочется подвести черту, что дала сибирская ссылка кроме потери родных людей, жилья, имущества, возможности образования; кроме ущемления прав, унижения личности... Что-нибудь дала положительного? Любовь к земле... Хотя её можно было приобрести, не подвергаясь преследованиям. Не считаю себя знатоком в растениеводстве, но я мог по всходам определить культуру. А на весенней вспашке земли упивался головокружительным ароматом, ни с чем не сравнимым. Невольно приходят стихи М.Ю.Лермонтова:

Но я люблю, за что не знаю сам,
Её полей тревожное молчанье...

Переселившись на Урал, видел хвойные леса, уходящие до горизонта. В Новосибирской области - березняки, необъятные, нарядные.

Её лесов безбрежных колыханье...

Нужно сказать, что уральская ссылка более остро выражалась в ущемлении прав и унижениях не в чём неповинных граждан, которых вовсе гражданами не считали. То ли на Урале вошло в привычку постоянно кого-то "пасти" с оружием в руках: то военнопленные, прошедшие германские лагеря, то полицаи с бывших оккупированных территорий, то немецкие, то японские военнопленные, то советские немцы, латыши, эстонцы, крымские татары, чеченцы, ингуши и калмыки. Видимо работники НКВД, а затем МВД просто озверели. Ведь надо было додуматься до такого - взять со всех ссыльных подписку за уход или отлучку с места поселения - без суда и следствия - двадцать лет лишения свободы. В 1950 году спецкомендатура вызвала меня с паспортом: предлагали сменить национальность на немца или поляка - я отказался. Домой вернулся без паспорта. Так и жил без него до 1956 года, то есть до окончания техникума.

Волга. Красный Яр

В 1963 году я переехал с семьёй в Саратовскую область, Энгельсский район, село Красный Яр, где получил жильё и работу. Устроился токарем в межколхозной мастерской, с беспрепятственной пропиской. А токарь Беллер Ф.Ф. приехал с семьёй в 1964-ом и его около года заставляли покинуть Красный Яр. В то же время везде афишировали, что репрессии закончились в 1956 году. Чёрта с два!

Поселился я в посёлке МТС, в доме, требующем большого ремонта. Переложили заново печь, отремонтировали стены, так как брусья сгнили и дыры были насквозь. Пришлось заменить оконные коробки. В общем всё наладилось: и дома и на работе. Вспоминаю коллегу механика-контролёра, хорошего человека Степана Алексеевича Пашкова. Он как перегонял-эвакуировал сельхозтехнику из западных областей на Восток, так по брони и остался в Саратовской области, а сам он был из Белгородской области. Заведующий мастерской был Гостинин Николай Яковлевич, тоже добрый человек, депутат сельского совета, но с вредными привычками. Постепенно эти привычки брали верх над хорошим человеком. Проработав токарем два года, решением межколхозного совета, я был назначен заведующим межколхозной мастерской, где проработал ещё три года. Всё свободное время проводил один и в компании товарищей на рыбалке, стараясь освоить разные пути по ерикам, протокам, озёрам и речкам - постоянно изучал лоцию. В бытность мою заведующим мастерской, познакомился с семьёй Нестеренко. Он - Фёдор, его жена - Галина и дети - Саша, Наташа и Лариса. Фёдор поступил в мастерскую слесарем. Немного поработав, семья уехала на Кавказ, точнее в Абхазию, но связь мы не теряли. Через год Федя трагически погиб на работе. У меня же, после продажи мастерской местному колхозу через год, сложилась ситуация - нужно было определяться с работой. Взяв отпуск, я съездил к Гале Нестеренко и там договорился на счёт работы во вновь организованное СМУ - Гальское СМУ по названию ближайшего райцентра Абхазии. В общем я уехал с семьёй на Кавказ. Устроились в посёлке с названием Приморск (по-абхазски "меоре - гудава"), расположенном на намытом гравии с песком. Это низина, болотистая низменность, поросшая ольхой, лианами и ежевикой. Пройти сквозь эти заросли порою было невозможно. Местные жители - мингрелы, чтобы проложить тропу, пользовались специальными топориками. Вот этот болотистый край называется Колхида, он треугольником вклинивается в побережье и железная дорога, обходя низину, уходит с берега моря к горам. Вначале пришлось пожить в полувагончике, затем в новой квартире. Участок под огород купили у самого моря. И что удивительно, выкопав ямку - брали пресную воду для полива. Урожаи помидор и огурцов были очень хорошими. Устроился на работу в Гальское СМУ, которое построило несколько гидроэлектростанций. Познакомился со многими хорошими людьми. Особенно не забуду Валериана Платоновича Квития. Он отставной лейтенант и выполнял снабженческие обязанности в близлежащем совхозе. В подвале его двухэтажного дома были две огромные бочки по две тонны каждая: в одной - молодое вино "Маджара". Как выразился мой приятель Поярков Александр: "Его даже пить жалко!" Говорят, что этот сорт вина любил Сталин. А во второй бочке - уже полностью отыгравшее вино, крепкое и терпкое. Валериан Платонович частенько приглашал к себе, всё говорил, чтобы я с канистрой приходил. Случалось, что уходил из гостей с канистрой вина. Его сын Джемал, отслужив в армии, вернулся и через некоторое время женился. Я был приглашён на свадьбу и с необыкновенным интересом наблюдал за происходящим. Произносились бесконечные тосты, красивые и мудрые, рекой лилось сладкое вино, угощения, музыка, танцы и никаких инцидентов. Запомнилось очень уважительное, внимательное отношение к гостям со стороны хозяев. Почётное место старикам, тосты в их честь - удивило меня по-хорошему. Словом абхазцы, со своими необыкновенно тёплыми отношениями, помнятся мне до сих пор. Но не менее примечательным в Абхазии было, конечно же, самое синее Чёрное море! Бесконечное, за горизонт уходящее, поражающее своей мощью. Если сравнить Абхазское побережье с Краснодарским, можно сказать, что пляжи в Абхазии лучше - всюду песчаные, гладкие. Отступив от кромки моря метров на тридцать, начинаются заросли ольхи, лиан, ежевики (нугаи), а в этих зарослях вдоль моря идут болота, насыщенные рыбой, черепахами, ужами и лягушками. Интересным было и то, что из канала в море поступает пресная вода, то есть при выходе из моря по ходу обмываешь соль - просто удобно.

В то время в Абхазии уже была рыночная система в самом отвратительном виде, та, которую мы сегодня имеем в России. Так например: шофёры автобусов покупали себе автобусы по установленному тарифу, за запчасти и за ремонт платили по существовавшим расценкам. Даром ничего не делалось. Если больной попадал в больницу - получал бесплатно голую кровать, а за всё

**Фёдор Фёдорович
Беллер.
Красный Яр.
В 1965 году,
вопреки
существующему
закону, первым
(жена и семеро
детей) вернулся на
запретную для
немцев Поволжья
Родину, настойчиво
отстаивая право
жить там, где он и
его жена когда-то
родились.**

остальное должен был платить и питаться за свой счёт. Платить не только за уколы и лекарства, но и няньке за заботу, и уборщице за уборку. Магазины и рестораны были тоже частными. Для нас это было дико! И вот дождались - получили то же самое у себя в России! Прошло немного более двух лет. Построили и сдали вторую ГЭС, затем третью и четвёртую. Обещанную в Подмосковье стройку проворонили, а досталась стройка канала Днепр-Донбасс в Харьковской области. Отправили бригаду по подготовке базы для СМУ. Через месяц ребята приехали, их сменили другие. В числе первых был мой приятель - сварщик Александр Поярков. Он обрисовал тамошнюю обстановку: голая степь, в колодцах вода солёная, условия отвратительные. Сам же решил после этого поехать на Саяно-Шушенскую ГЭС, то есть на её строительство, недавно объявленное в стране. Я принял решение вернуться с семьёй в Саратов, вернее в село Красный Яр. Поступил шофёром в среднюю школу, получил машину ГАЗ-51. Пришлось купить землянку, так как жилья никакого не предоставили. На участке стоял сруб деревянного дома без окон, без дверей, без потолка и пола. Пока достраивал дом, рухнул потолок старой землянки. Занимаясь её переделкой, из землянки получился гараж с отоплением, кухня, комната, теплица. Обогрев котлом на газовом топливе, как и в доме, где ещё и слив, и водопровод, и колонка, и ванна. Примерно через год после окончания строительства и благоустройства, в связи с семейными неурядицами, дом был продан вместе со всем остальным. Затем благоустройство следующего дома, ремонт, перестройка, неурядицы... Так всё и закончилось распадом семьи.

Вернусь к трудовой деятельности. Неоднократно приходилось менять место работы, работал в нефте-газодобыче, машинистом насосной станции в мелиорации, и последние девять лет перед пенсией - в Приволжских электросетях. Сверхурочно приходилось работать и токарем, и сварщиком, и работником по обслуживанию зданий. И на момент августа 1993 года было отработано сорок девять лет фактически, а по статистике собес, включая годы репрессий, шестьдесят три. По сути, это никакой роли не играет, такое уж у нас в стране законодательство. Хотя сто лет работай, а если получал низкую зарплату, то не по своей вине - такие тарифные ставки были. Да ещё при начислении пенсии учитывают среднюю зарплату по стране, именно за те годы, которые пенсионер берёт для расчета, а они явно завышены и всю трудовую деятельность сводят к мизеру. И ничего не докажешь, так как эти данные о средних зарплатах по стране сведены в общую таблицу и разосланы по Собесам, являясь неоспоримым документом для неукоснительного выполнения. С помощью этого инструмента, изобретённого государственными органами по социальному обеспечению, отменяются даже президентские обещания о прибавке всем пенсионерам. Срочно придумали и применили коэффициент, основанный на вышеупомянутом отношении пенсии к средней пенсии по стране, и восемьдесят процентов пенсионеров остались без добавки. Значит вся беднота, получавшая в то время 330 рублей, - осталась без доплаты. Это будет навсегда укором руководству страны и изобретателям изуверских выкрутасов, особо господину Починку!

Оставим эту тему... Хочется добрым словом вспомнить друзей-товарищей, с которыми делил хлеб и табак. В Красном Яре мои друзья - любители рыбалки: Ермилов А, Горяйнов И, Черныш В, Беллер Ф. Очень больно сознавать, что их уже нет. С Федей Беллер мы дружили с 1964 года по 2003 год, то есть сорок лет! Однажды весной наткнулись на икромёт леща - это незабываемое зрелище: в затоне, глубиной два метра, лещ стаяй бушевал на поверхности воды, вода кипела, плавники разрезали воду во всех направлениях. Ещё ко мне приезжали саратовские друзья - Боря Курицын и Юра Оралов. Рыбачили вместе. Ловили больше всего в протоках Шиноковского озера. Если не зацеп за корягу, то щука.

Юра Оралов с уловом. Лето 1965 г.

**Мои друзья: Иван Горяйнов (слева),
Фёдор Беллер (в центре).
Красный Яр, конец 1960-х гг.**

Ещё не всё сказано о моих четвероногих друзьях. После гибели моей охотничьей собаки Пальмы, вместе с которой четырнадцать лет ходил по разным уголкам, остался, можно сказать, сиротой. После переезда в Саратовскую область, вскоре подарил мне хороший приятель - охотник И.В. Полях кобелька - щенка спаниеля. Назвал я его Бурун. Темперамент этой собачки был бурный. Он обладал, удивлявшей всех, храбростью - мог налететь на крупного кобеля без присущей любой собаке робости. А какой красивый был окрас: чёрно-серый крапчатый. И опять, в связи с отъездом в Абхазию, мы потеряли эту прекрасную собачку - друга всей нашей семьи. Он распознавал своих и чужих кур: чужих выгонял со двора на улицу, а своих не трогал, как он различал - непонятно. Сейчас у нас живут две дворовые собаки: Белка и её сын Бельчик, два колокольчика, добросовестно охраняющих двор. Есть молодой кобель - спаниель Бим, живёт на два дома: то у нас, то у Алексея. Очень игривый пёсик, всё отлично понимает и, после недолгих тренировок, стал носить "поноску". В 1994 году наша крупная, серая кошка Мурка, желая сохранить в целости весь свой выводок, родила котят на чердаке. Позже выводила их на солнышко и было видно - серого, дымчатого и пёстрого. Как-то раз промелькнуло в проёме чердачного окна что-то чёрное. Прошло порядочно времени, я думал, что это дымчатый, как вдруг заметил промелькнувшего чёрного.

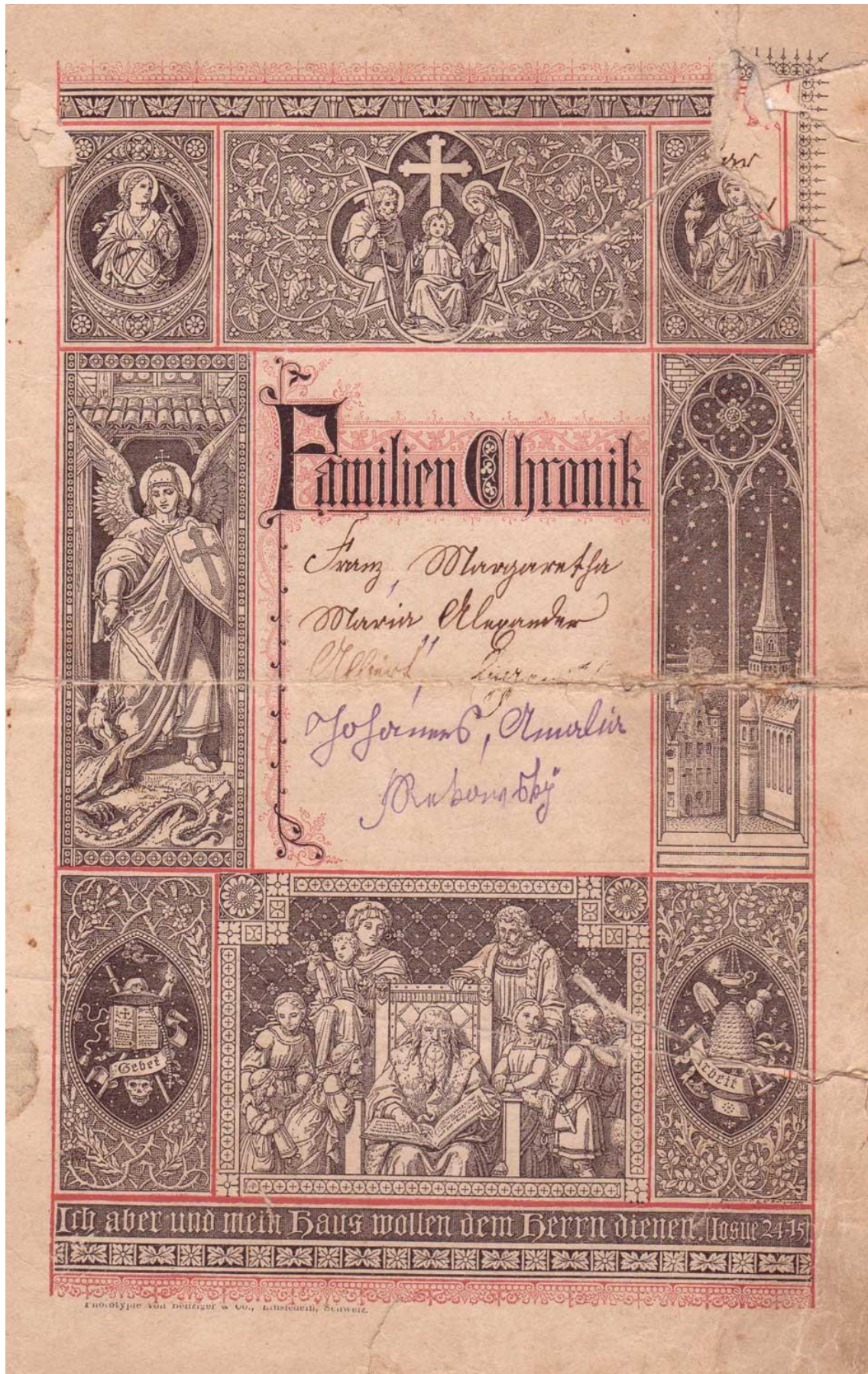
Он так умело прятался, что стоило трудов его поймать. Вырос наш чёрный Васёк среднего размера - неназойливый, не попрошайка. Всегда спокойно лежит в сторонке и ждёт, когда ему есть дадут. Исключительно ловчий кот, ловил и мышей, и крыс, и воробьёв. Сам просился в сарай к поросёнкам и там дежурил, принося (добычу напоказ. Приходя ко мне на диван, всегда скромно ложился с краешку и никогда не лез к лицу. Чем он выделялся - удлинёнными клыками. Когда он стал принимать участие в кошачьих свадьбах, то стало видно, что он побеждает более крупных котов, расширяя свою территорию всё больше и больше, бродя по всему кварталу. Но вот заметили мы, что пытаюсь делать глотательные движения, не может что-то проглотить. Я хотел помочь ему избавиться - не даётся, бьёт меня обоими передними лапами, не выпуская когтей. Он вообще меня ни разу не оцарапал за всю свою недолгую жизнь. Это была рыба кость, которая угробила его. Очень жалею о Васёке до сих пор. Уберёгся от врагов, а от кости погиб. Спустя время, нам подарили молодую кошечку - Мурочку. Небольшая росточком, серого цвета с длинными усами и бровями, с хвостом, как у белки - лопаточкой. И с удивительно красивой мордочкой. Это была ужасная царапушка, лапки так и ходили - сжимались и разжимались. Она была прекрасной охотницей, постоянно носила добычу. А как она умела улыбаться - это поразительно. Удивительно, но это не забывается.

Вот уже тринадцать лет я живу с Анной Семёновной Ермиловой, хозяйкой дома на улице Маркса 74/2. Когда-то, до 1929 года, этот дом принадлежал немецкой семье Идт, в их хозяйстве было несколько построек и огромный двор. Тогда, в те времена это был трактирный двор Идт. Сегодня же от большого, добротного владения осталось главное строение, в этом доме с самого детства и живёт моя Анна Семёновна. Живём вдвоём, ведём нехитрое хозяйство, возимся в саду и огороде. Недавно закончил восстановление брошенного дома, пострадавшего от пожара, и пристройки к нему. Теперь в этом доме живёт сын Анны Семёновны, его семья. Дети мои, дочь от первого брака - Елена, живёт в Саратове. Муж её Василий работает станочником на заводе. Имеют замужнюю дочь и трёх внуков, значит моих правнуков. Сын Александр (тоже от первого брака) с женой Еленой, сыном Сергеем и дочерью Анной живут в Марксе. Встречаемся очень-очень редко. Дочери от второго брака - Инна и Светлана, - живут в Москве. Младшая - Светлана работает на заводе крановщицей, а старшая, Инна, замужем за отставным офицером, имеет двоих детей.

Заканчивается апрель 2004 года. Яблони обещают быть с урожаем. Абрикосы -тоже. Вишня и слива каждый год плодоносят уверено. Пришёл новый рыболовный сезон. Самое время отправляться в весенний, затопленный водой лес. Пока стоит большая вода - комаров мало, как только вода начнёт спадать, вылетают тучи комаров и тогда без крема "Тайга" не обойтись, иначе - заедят.

Приложение

Рековские. Семейная хроника.

Chirurg Rabenstj" gabofran
den 1ten März im Jahr 1867.

Gefundit mit Wurzeln für Paul
den 31 März im Jahr 1894.

Wurzeln Rabenstj" gabof-
ran den 10ten November 1869.

Wurzeln Rabenstj" gabofran
den 27ten April im Jahr 1895
im 6 Uhr mittags gefundit
den 7ten April 1895.

Wurzeln gabofran den 12 April
1897. im 6 Uhr Wurzeln
gefundit den 16ten April März
Wurzeln gabofran den 10 August 1899.
gefundit den 15 I/O.

Wurzeln gabofran den 6ten August
1901 gefundit.

Wurzeln Rabenstj" gabofran
den 22 Juli 1903 gefundit den 27 Juli

Мервин уфтован ден 6ten Februar
1898 den Wurst im 3 Wfr bannigst
norden den 8ten Februar Conferenzmitt.
Edmund uftowen den 10
9ten Februar 1909 gupf
Miktor uftowen den 24ten Februar
1909 gupf

Elbert uftowen den 14 Wurst
Fering uftowen den 3. März
Kaufmann Ruppert den 25. April

Маргарита Андреевна Рековская

скончалась 31 июля 1942 г. на станциях

Оле, Новосибирск обл.

Рековский Александр Францевич

скончался 29 января 1955 г.

Ковхон. Толдорецкий "Кунгур. р.
Пермский обл.

Рековская Анна Александровна скончалась
в 10/IV 1962 г. в г. Ровенские Иркутск. обл.

Adolf Ratschky geboren
den 6. August 1905 getauft
den

Miklos geboren den 1. März
1908 getauft den 5. März

Kunze geboren den 26. Juni
1910 getauft den 31. Juni 1910

Franz, Margaretha,
Maria, Alexander,
Albert, Eugenia
Johannes, Amalia
Rekowsky

Franz Rekowsky geboren den 1 ten Mai im Jahr 1867
Getraut mit Margaretha Paul den 31 Mai in Jahr 1894
Margaretha Rekowsky geboren den 10 ten November 1869
Maria Rekowsky geboren den 27 ten April im Jahr 1895 um 6 Uhr nachmittags getauft den 30 April 1895
Alexander geboren den 12 März 1897 um 6 Uhr Morgens getauft den 16 ten März
Albert geboren den 10 ten August 1899 getauft den 15 d(es)/M(onats)
Eugenins geboren den 6 ten August 1901 Jahr
Johannes Rekowsky geboren den 22 Juli 1903 getauft den 27 Juli
Eduard Rekowsky geboren den 6 September 1905 getauft den ...
Viktor geboren den 1 März 1908 getauft den 5 März
Amalia geboren den 26 Januar 1910 getauft den 31 Januar 1910

Maria gestorben den 6 ten Februar 1898 die Nacht um 3 Uhr beerdigt wurde den 8 ten Februar
Sonntagnachmittag
Eduard gestorben den 9 ten Februar 1909 Jahr
Viktor gestorben den 24 Februar 1909 Jahr
Albert gestorben den 17 August 191?
Franz gestorben den 3. März 37
Katarina gestorben 5 April

Das Einfließen "Der Richtigkeits" kann von mir
bezeugt werden.

Пауль из Италии

Видеосъем

Видеосъем

Андрей рожд. 1830г. + 1888г. Антония рожд. 1842г. + ~~186~~ 1916г.

Мать Маргарита рожд. 1869г. 31/8.

Рековский на 1/111 - 31

Принадлежит Цозеру рожд. в 1714 году

Прадед Цозеру — в 1760 году.

Дед Иван Цозеру в 1817г. + 1867г.

Отец Франц Цозеру 1/8 - 1867г. 64г.

Мать Маргарита Цозеру 31/8 1869г. + 1942г.

Александр Фр. Цозеру 25/11 1897г. + 1958г.

Михаил

172 3
59

Brief von Gottlieb Beratz.

Herzog (Суслы), den 20 Oktober 1915

Geehrtester Herr!

Auf Ihr geehrtes Schreiben vom 4. Oktober, das ich infolge der Durchsicht des Kriegszensors in Samara erst am 20. Oktober erhielt, beeile ich mich über die Heimat Ihrer nach Rußland eingewanderten Vorfahren folgendes mitzuteilen.

In dem Ende Dezember 1767 zusammengestellten Verzeichnisse der Ansiedler von Kamenka finde ich unter

№. 14 Иозеф Рекавской 53 года от роду

" У него жена (Name fehlt) 46 " "

" У них дети сын Иозеф 7 " "

" дочери Мария Магдалена 11 " "

" Барбара 16

" Католического закона, из Польши, города Посела.

" На место жительства т. е. В Каменку выведен 1765 года июля 6 го дня.

" От Рейса, чиновника опекунской конторы иностранных поселенцев в ссуду получил 50 руб., на лошадей 29 руб., от Саратовской воеводской канцелярии 100 руб. К будущему 1768 году ржи посеяно (им) 7 четвериков, распахано 2 десятины целины к будущей весне, (имеет) 3 лошадей, 1 корову"

" № 96 Иоган Рековски 21 год от роду

У него жена Мария Магдалена 18 л. от роду.

Католического закону города Копенгагена, башмашник. На место жительства выведен 1765 года июля 6-го дня. Посеяно 1 четв. ..., 1 четверик ржи, ½ десятины целины распахано, имеет 2 лош., 1 корову, 2 козы"

Die beiden Ansiedler sind allen Anschein nach Verwandte gewesen, wenn nicht gar Brüder*), trotzdem ihre Namen im Verzeichnisse verschieden geschrieben sind.

Ihr Urgroßvater ist der in diesem Verzeichnisse angegebene siebenjährige Josef. Anstatt "Посел" ist höchstwahrscheinlich Позен zu lesen, da es weder eine Stadt, noch ein Dorf "Посел" in Polen gibt.

Obwohl sich der zweite Рековский als aus der dänischen Residenzstadt Kopenhagen entstammend angegeben hatte, wird er doch auch aus Posen gewesen sein. Er wohnte wohl nur zur Zeit seiner Einwanderung in Kopenhagen, wo sich infolge der guten Schiffsverbindungen mit Danzig schon seit Jahrhunderten immer viele Polen aufhielten, die Arbeit suchten, wie es auch heutzutage noch der Fall ist.

Ihr Vorfahren stammen also aus Polen und zwar aus der gegenwärtig preußischen Provinz Posen und der Stadt gleichen Namens. -

Als kleine Gratifikation möchte ich mir erbitten, in Ihren Bekanntenkreisen das von mir verfasste Büchlein "Der Kirgisen-Michel und die schön Ammie von Phannenstiel" zu verbreiten. Preis per Exemplar 50 Kop., bei Abnahme von 100 Ex. zu 30 Kop., bei Bestellung von 25 Ex. zu 40 Kop.

In ausgezeichnete Hochachtung
Gottlieb Beratz, Pfarrer.

P.S. Der obige Auszug stammt mit dem Original buchstäblich-wörtlich überein. Рековский scheint die richtige Schreibart der Namens zu sein. Ihr Vater Franz war mein Mitschüler in der Kamenskaer Semstwo-Schule. Das Büchlein "Der Kirgisen-Michel" kann von mir bezogen werden.

---

*) oder Vater und Sohn.

Пауль из Италии

Вильгельм

Андрей рожд. 1830г. + 1888 г. Антония рожд. 1842 г. + 1960

Мать Маргарита рожд. 1969 г. 31.05.

Рековский на 01.08 1931

Прапрадад Иозеф рожд. в 1714 году.

Прадед Иозеф рожд. в 1760 году.

Дед Иван рожд. в 1817 году + 1867 г.

Отец Франц рожд. в 01.05.1867 г. 64 г.

Александр Фр. 25.03.1897 г. + 1958 г.

Михаил Александрович 13.11.1929